

Протоколы колдуна Стоменова

НЕОБХОДИМОЕ ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

У этой книги трудная судьба... Судьба, иногда похожая на мрачную детективную новеллу. Написана она по материалам другой «книги», если так можно назвать тринадцатитомное уголовное дело, которое разрабатывало одно из подразделений Службы государственной безопасности г. София – тихий филиал Комитета Государственной Безопасности СССР, курирующий сеть специализированных психиатрических больниц. Но речь там шла не об инакомыслящих узниках совести и прочих противниках строя, усмирённо почивающих на больничных койках с диагнозами «острая шизофрения» или «параноидальный синдром». А все 13 томов расследования состояли из показаний 79-летнего Павла Стоменова, болгарского гражданина, который в 1978 году, в ритуальных целях, убил девятилетнюю девочку.

Павел Стоменов был благообразным пенсионером. Он скромно жил на полагающуюся ему пенсию в обыкновенной однокомнатной квартире на окраине Софии. При его аресте и изъятии вещественных доказательств понятые не были приглашены, протоколы не составлялись, дело стало закрытым с самого начала. Стоменов с момента ареста не промолвил ни слова. В кабинете следователя ему был поставлен предварительный диагноз: «параноидальная шизофрения», после чего он был госпитализирован. В общем-то, все, как часто это бывает, и ограничилось бы констатацией психического заболевания и принудительным пожизненным лечением, однако уже предварительное следствие выдало результаты, которые иначе как мистическими не назовешь...

Послужной список Стоменова при первой же проверке оказался, мягко говоря, не соответствующим действительности. Ни в одном из заявленных лечебных учреждений, (а по документам он был врачом) не нашлось ни единого упоминания об этом человеке. Следствие находило настоящее Стоменова: жилищные права, пенсионное удостоверение, фамилия в списках получателей пенсии – и ничего больше. Не нашлось родственников. Не женат. Детей нет. Больничной карты нет. Никакого криминального или уголовного прошлого. Ни один из десятков тысяч архивов, перерытый спецслужбами, не дал ни крупицы информации об этом человеке. Помимо пенсии, которую государство выплачивало Стоменову, и той жилплощади, которую он занимал, в Болгарии документально не существовало такого человека – Павла Стоменова, который спокойно жил в Софии и раз в месяц получал свою пенсию. Соседи не смогли сказать о нем ничего определенного, но, во всяком случае, изредка он с ними разговаривал. Попытки допросов Стоменова заканчивались его упорным молчанием. Он просто игнорировал происходящее вокруг себя. Выявленные факты сформировали две рабочие версии: первая заключалась в том, что Стоменов был тщательнейше законспирированный агент некоторой спецслужбы, в настоящее время то ли симулирующий, то ли действительно сошедший с ума; вторая – Стоменов является нацистским преступником, скрывающемся в Болгарии. Версии были не очень убедительными и формировались по принципу метода исключения. Никаких реальных фактов следствие найти не смогло. Не нашлись и родители погибшей девочки...

А примерно через месяц Стоменов неожиданно заговорил. Спокойно попросил принести ему стакан минеральной воды...

...В 1991 году, еще до начала известных событий в СССР, в Болгарии начали уничтожать архивы КГБ и прочих спецслужб. Дело Стоменова вместе с тысячами других «психиатрических» дел было равнодушно сожжено. По свидетельству очевидца, непосредственно присутствующего на допросах Стоменова, который вел стенограмму допросов, дело сочли закрытым и отправили в архив. Павел Стоменов давал показания непрерывно в течение трех недель. Иногда допрос затягивался до восемнадцати часов в день, причем подследственный не выказывал никаких признаков усталости, не просил перерывов, еды и всего другого, в чем обычно нуждается любой человек. Ближе к концу августа 1978 года он был найден мертвым в своей палате, которую тщательно охраняли круглосуточные посты. Его смерть, так же как и его жизнь, стала загадкой: врач констатировал остановку сердца. Сердце у него было абсолютно здоровое, состояние внутренних органов соответствовало возрасту тридцатилетнего человека...

Кристо Ракшиев, профессиональный стенографист, переводчик, человек с феноменальной памятью, всю свою жизнь проработавший в недрах спецслужб, на свой страх и риск копировал каждое слово, которое было произнесено на допросах. Потом он сказал как-то: «Мне было велено...» и неуверенно показал рукой куда-то вверх. Горы окурков в пепельнице, бессонные ночи, воспаленные глаза: он рассказывал мне, торопился, захлебывался... Я бесчисленное количество раз колот ему... сам не знаю, что именно. Умер Кристо неожиданно, у табачного киоска, от обширного кровоизлияния в мозг. Оставил меня с ворохом убористо исписанных тетрадей и конспектов.

Я не знаю до конца, правда ли это – все то, о чем говорил этот Стоменов. Мне кажется, что ПРАВДА... В такие минуты я испытываю нечеловеческий страх...

Я публикую эту книгу в России. Это – ваша правда и ваше дьявольское порождение...

Предисловие переводчика.

В конце 1996 года я получил предложение перевести эту книгу на русский язык. Меня очень заинтересовала эта работа, потому что до этого ни с чем

подобным мне сталкиваться не приходилось. Работал я очень тщательно, старался максимально точно воссоздать живую речь диалогов. На это у меня ушло примерно полгода... Когда я передал окончательный вариант перевода автору, тот сказал, что до сих пор в сомнениях относительно целесообразности публикации этой книги. Я высказал ему свою уверенность, что книга обязательно должна быть опубликована. Разговор шел по телефону... В его голосе я слышал сомнение вперемешку с какой-то тоской. Он бросил трубку буквально на полупhrазе, а перезванивать я не решился.

И только через два года, в конце 1998-го, он позвонил мне и поведал, что решился на публикацию. Книга выйдет в России и только в России – так он мне это преподнес, так он написал это в своем предисловии к этой книге. Когда я пишу эти строки, он ищет издателя, который бы его устроил. Обещал прислать парочку сигнальных экземпляров, как только они выйдут из типографии...

Лично на меня монологи Стоменова произвели сильнейшее впечатление. Эта книга изменила многие мои представления об этом мире. Иногда говорят – вот, я прочитал какую-то книгу, и она перевернула меня! Я скажу иначе – не мир перевернулся для меня, нет, – я сам начал крутить и переворачивать его направо и налево. Таков ли он, каким я его себе надумал? Таков ли, как я его вижу? Таков ли, как мне говорят об этом окружающие меня люди? Я задавал себе – как в детстве задаешь взрослым бесконечные вопросы – тысячи новых, и почувствовал, что многое в этом мире стало другим, предстало в других цветах, звуках и качествах...

Чем еще меня привлекает эта книга, так это возможностью, или, скажем иначе, – необязательностью читать ее последовательно, от корки до корки. Сама ее конструкция очень непоследовательна, поэтому выходит, что читать ее возможно тремя разными способами:

- Способ первый: начинаете с начала и идете до конца.
- Способ второй: пытаетесь читать книгу в календарных закономерностях, которые там прослеживаются.
- Способ третий: читать ее с любой, случайно открытой, страницы.

Лично я рекомендовал бы прочесть ее три раза в том порядке, который я указал выше.

Выскажу свое субъективное мнение по поводу содержания этой книги. Оно затрагивает многие понятия и категории, относящиеся к природе добра и зла, нравственного и безнравственного, гуманности и жестокости... Поэтому я не рекомендовал бы читать эту книгу тем людям, которые слишком романтичны и душевно ранимы, которые слишком пропитаны понятиями нравственности и доброты человеческой... Мир гораздо сложнее представлений о нем, и разочарование от его реалий может оказаться очень болезненным...

Я вспоминаю и вспоминаю слова, услышанные в вольном пересказе автора: «Когда мы слышим о торжестве справедливости, то чаще всего мы не отдаем отчета в том, что речь идет не о справедливости, а о торжестве убийства неугодного члена общества или торжестве истребления неугодного народа»...

Алексей

Черных.

Девятый день допроса:

Стоменов: – Раньше мужик деревенский где историю рода своего держал? Да в голове своей, и нигде больше. Ни фотокарточек не было, ни дневников не вели, и писем не получали, потому как ни читать, ни писать не умели, надобности такой не было. Теперь же много предметностей всяких хождение имеет – а что такое предмет, с человеком сродненный? Это средство великое,

чтобы известить его можно было приемами особыми, магическими – заболел чтоб, или помер, или бессильным сделался... При нужде я могу пользоваться то, о чем по молодости и помыслить не мог. Возьми, положим, ту же фотокарточку. Пошел я с фотокарточкой этой в ателье фотографическое, да и заказ сообразил – сделать портретик надгробный. Если ты, Борислав, думаешь, что чепуха все это, то спроси у себя – остался бы ты равнодушен, если б из фотокарточки твоей кто-то вот такой портретик закажет? Да еще и не случайно иль, положим, шутки ради, а с известным вражеским умыслом?

Историю одну скажу тебе. Одна женщина, уже в годах, любила человека одного, да только он к ней прохладно относился. Мучается она, жить без него не может – но жить то надо, вот она и удумала его схоронить символически... Если точным быть, то первую мысль ей бабка одна подсказала, а уж до всего остального она сама удумалась. Мысль такая была – относиться к человеку этому, будто помер он только что. Ну а баба мысль эту развила дальше. Фотокарточки мужика этого у нее были, вот она и пошла в ателье енто – портрет надгробный заказывать. В траур оделась, скорбит не понарошку... Сделали ей два портрета – один для памятника, а другой, в рамке черной, с ленточкой наискосок – чтоб, значит, в комнате поставила да слезы горькие по муженьку покойному лила. В газетке объявление пропечатала, что умер, дескать, человек, и состоится панихида... Хошь – верь, а хошь – не верь, Борислав, да только помер мужик этот через девять дней после траура ее. Пришло к нему поначалу недомогание, затем хуже и хуже, совсем слег мужик, горячка началась – и врачи ничем помочь не смогли. Вот так символическая смерть буквальною сделалась, хоть и не желала этого баба, о которой я ведаю...

Другим средством сильным письмо особое будет, в котором, если погубить человека хочешь, писать ему надобно следующее: мол, уважаемый хороший человек, пишет вам доброжелатель ваш тайный. Спешу сообщить вам, что враг ваш пытается известить вас сильными средствами Смертной Магии. С вашей одежды нитка была взята от вас незаметно, и нить эта, на которой сорок узелков крепких завязано, левую ногу покойника одного, уже схороненного, оплетает. Это для того сделано, чтобы умерший этот связь с вами обрел нерушимую и в царство мертвых не смог отправиться – и остается дух умершего между небом и землей до тех пор, пока связь эта не разрушится, а разрушиться она может очень скоро, потому как умерший этот изо всех сил будет стремиться вас за собой утянуть. Только одно средство есть, чтобы от гибели неотвратимой избавиться. Нужно обмылок найти, которым любого другого покойника обмывали, только обязательно мужчину – и в ближайшую полночь тщательно вымыться этим мылом. Тогда надежда есть, что связь ваша смертная разомкнется...

Следователь: – И что, найдется такой кретин, который не выбросит это письмо в корзину для мусора, а мыло покойничье искать будет?

Стоменов: – Найдется, не найдется – дело не важное, да только помрет этот недруг или заболит тяжело. Все то, где жизнь со смертью пересечение делает, очень большую силу имеет. Иная вдова, когда муж умирает, в гроб его ложит вещь свою, словно преданность свою доказать хочет, да только это, по нашему разумению, почти тем же будет, что и руки на себя наложить. Смерть это означает скорую для вдовы ентной... А коли не торопишься в царство иное, то помни – не ложи к покойнику ничего своего, а только его вещи дорогие и при жизни ему значимые. Не ложи к покойному и ничего чужого, если только умысла не держишь известить владельца вещи этой. А пуще всего следи за тем, чтоб детское что-нибудь не попало в могилку: дети особенно слабые будут при пересечениях жизни и смертного часа.

Следователь: – Гуманист, я погляжу! О дитяx заговорил...

Стоменов: – Чего ерничаешь, Борислав, аль обидел чем? Говорю, потому как надобность имею, и ничего другого не преследую. Ты все за девку эту переживаешь? Да остынь, уймись, тебе какое дело до нее будет. Убил – ну и убил, нужда мне в этом была – а ты, гляди-ка! Никак к мучителям людским приписать меня удумал? Так напрасно это, потому как никаких удовольствий от убиения я не получаю. Тебе велено меня слушать – вот и слушай, словечки свои мудреные попридержи... Коли умный, так и сам опосля поймешь, меня слухая, почто я девку жизни лишил, а коли нет – другие узнают, невелика беда. Никола так учил нас: если говорить хочешь, то говори, а заботы о том, поймет тебя слухатель твой или не поймет, в голове не держи. И мне, Борислав, от разумения твоего сытости не прибавится...

Кристо Ракшиев (дневниковые записи)...

Я всегда помню больше того, чем следовало бы обычному человеку. Многие вещи – события, поступки, произнесенные слова, картины прошлого – мне хочется забыть, похоронить их навсегда в недрах своего серого вещества... Но нет, память, моя треклятая услужливая память – она с невероятным упрямством цепляется за тысячи ничего не значащих для меня лиц, за десятки тысяч страниц исписанных бумаг, из которых добрую половину я помню – помню, черт подери! – вплоть до каждой запятой... Я зритель, который просиживает задницу в кинотеатре своего бесконечного прошлого, я прожил большую половину своей жизни в этом затхлом кинозале, в полном одиночестве...

Сегодня я сел за свой облезлый письменный стол – и получился девятый день допроса. Словно кто-то толкнул меня под руку, ткнул носом в стопку писчей бумаги... Я ничего не делал, я только сидел и записывал то, что я слышу. Второй раз я в полной мере пережил то неуловимое беспокойство, которое я испытывал тогда, в кабинете следствия... Нет, в начале было только беспокойство – и ничего другого. Страх пришел позже, тогда, когда я увидел своими глазами то, что случилось со Стефаном... Бледный, как мел, он мочился прямо в углу палаты, сидя на корточках и озираясь пустыми невидящими глазами... С уголков его губ стекала слюна, и это было последнее, что я увидел в его лице. Санитар ударил его резиновой дубинкой по шее – он рухнул на пол и, наверное, разбил себе лицо... Дверь захлопнулась. Занавес...

Неужели я так плохо разбираюсь в людях? Стефан – почему он? Борислав мне казался послабее, с червоточиной – но время идет, я иногда вижу его в столовой, он не изменил своим вкусам и привычкам, на его столе всегда яичница и стакан томатного сока...

Девятый день допроса... Второй день... Одиннадцатый... Четвертый... Пишу рывками, кусками – как идет. Но в одном я уверен точно – каждая буква моих стенограмм звучала в том кабинете из уст следователей и ЕГО уст...

Меня разрывают в клочья мои воспоминания. Меня разрывают на части те противоречивые чувства, которые я выношу из них, которые я переживаю вновь и вновь... Он бог мой, которого я слушаю вечность. Нет! Он неодолимая слизь, болото, паук, в сети которого я попался... Он пьет мою кровь – а я улыбаюсь и смотрю в его глаза... Да, да, я молюсь на него – и я его ненавижу...

Когда-то мы его уьем. Но не сейчас, не скоро еще, и это очень хорошо. Пускай он поживет подольше...

Пишу, пишу, пишу...

Шестой день допроса:

Стоменов: – ...Ты с нами? Ты наш? Ты знаешь те истины, которыми ведаем мы!?. Нет? Чего же ты хочешь тогда?.. Отомстить? Убить? Превратить своих врагов в больных и немощных людей? Уничтожить все то, что для тебя есть Помеха, но не соприкасаясь с нашей силой, нашей верой, нашими знаниями?.. Так устроен мир: если Слабый ударил в спину ножом Сильного, если выстрелил из подворотни – кто слаб здесь, а кто силен? Скажи мне, Ты, претендующий на могущество! Жалкая букашечка, ты сидишь и боишься меня, тайком стираешь пот со своих ладоней, тискаешь липкую рукоять своего пистолета...

(Шепотом, наклоняясь): Давай, давай, я тебе подскажу, я тебе помогу. Не слушай меня, просто иди за моим голосом – и тебе откроется дверь, в которую ты войдешь...

Молчи! Три дня молчи, не пророни ни слова. Лучше всего уединиться, чтобы посторонние тебе не помешали. Это ты сможешь, я знаю. Некоторые разговаривают во сне, но ты не из таких... *(сигнал прекратить запись допроса)*.

К женщинам тебя не тянет, это не очень хорошо. Когда есть желание, которому ты не даешь реализоваться, оно рождает истерию – это энергия, если уметь ею пользоваться. Но ты не умеешь... В дубовую коробочку, которую ты достанешь, набери земли с могилки. С какой именно – я говорю, а ты идешь за моим голосом. Недруг твой мужчина – и это первое: бери землю с мужской могилы. Найди смерть случайную, нежданную – таких много сейчас: вдруг – и нет человека. Коробочку свою землей с этой могилы наполни, а собирай ее только после полуночи... Укради еще вещицу, в его руках частую, она тебе понадобится. Фотографию его отдашь в ателье, закажешь надгробный портрет небольшого размера. Как только земля могильная, портрет, вещь будут у тебя – с полуночи любого дня МОЛЧИ! Три дня и три ночи уединись и не пророни ни слова. Идешь в первую полночь за голосом моим и хоронишь на краюшке кладбища свою кошку, которую ты убьешь... *(сигнал продолжить запись)*. Есть земля обычная, а есть земля кладбищенская: мир земной и мир иной, и между ними граница идешь за моим голосом, как мостик между берегами рек... Кошку закопаешь на мостике этих миров и проведешь по нему врага своего... Отсюда – туда. Во вторую полночь зажги свечу долгую или огонь разведи, только лишь бы само горело, пламя было. Костер лучше будет, ибо шерсти клоч кошачьей, когда почувствуешь себя соответствующе, бросишь в огонь и затем спи... Сиди рядом с огнем и вспоминай все те беды, с врагом связанные. Не анализируй, не размышляй – вспоминай, вспоминай, вспоминай... Когда ярость переполнит тебя – бросай шерсть в огонь, после чего ты вскоре уснешь. В третью полночь рядом с зарытой кошкой выроешь могилку, положишь туда вещь его, засыплешь запасенной могильной землей, положишь сверху портретик надгробный и камушками выложишь сегодняшний год. После этого – если вправду все сделал как надо – умрет твой враг, если небрежен был в чем-то – очень худо ему будет, ошибешься и землю с женской могилы возьмешь – то жену его бесплодно сделаешь...

Без меня не сможешь ты этого, но я тебе подсоблю. Когда и где – не говори, я и так узнаю... У врага твоего будет две могилы на этой земле: твоя, магическая, и его, та, на которой он будет похоронен...

Следователь: – Стоменов, вы отдаете себе отчет в том, что вы говорите здесь?

Стоменов: – Отдаю, мил человек. У тебя даже ладони потеть...*(сигнал прекратить запись)* перестали...

Кристо Ракшиев (дневники):

С самого начала во всем этом была какая-то чертовщина, бесовщина, мистификация. 79-летний старик, а мне только пятьдесят один, а сравните меня и его: да я ему, черт подери, в папы гожусь! Рослый, почти метр восемьдесят пять, широкоплечий, абсолютно седая голова, но лицо – ей-богу! – от силы сорокалетнего. Я слышал, как перешептывались медики, пожимали плечами: здоров был, как бык, – в 79 лет!!! Зрение, слух в норме, кровь, сердце, нервная система, печень, половые органы – ха! Я думаю, в постели с женщиной он дал бы молодежи трехкратную фору. Глаза у него были карие, яркие, невыцветшие, как это обычно бывает у стариков. Такие выразительные глаза – чаще всего спокойные, уверенные, иногда даже равнодушные. Один раз он весело подмигнул мне – я был с ним в комнате допросов без следователя, тот куда-то срочно вышел, охрана была на входе... Чего бояться – Стоменов постоянно приковывался наручниками к металлическому столу, вмурованному ножками в пол... Но меня иногда ознобил от страха. Он подмигнул мне, выразительно потрянул скованными руками и то ли спросил, то ли предложил: «Хошь сломаю?» Я вздрогнул, пожал плечами, отвел глаза, он усмехнулся, сказал: «Не бойсь, сынок...»

Он говорил уверенно, долго... Его почти никогда не перебивали: заговорил – так пускай мелет, пиши, потом разберемся, когда сыщики наши чего-нибудь да накопят. Но время шло, Стоменов говорил, а следствие результатов не давало. Потом приехали Советы, их следователь слушал его уже как-то целенаправленно, часто задавал вопросы, делал у себя какие-то пометки. Я по-прежнему стенографировал, а дома строчил стенограммы по памяти, засыпая иногда прямо за письменным столом... Много позже я осторожно наводил справки у людей, которые имели дело с гэбэшными архивами, но так толком ничего и не узнал. Одни говорят, что дело Стоменова Советы вывезли, другие – что никому это на хер не надо, и все сожгли к чертовой матери...

Родителей этой убитой девки так и не нашли. Я же говорю, бесовщина, словно они оба с луны свалились... Когда Стоменов сказал, что он урожденный русский и заговорил на русском языке, рабочие версии следствия полетели к чертям собачьим, и дело было с радостью сбегрено Советам. Дело, в общем-то, прикрыли сразу, выясняли только – что за фрукт и с чем его едят.

Стоменов называл себя одним из тринадцати краеугольных камней Магии Смертной Силы. Страшного учения, которое он нам проповедовал... Двое из наших сошли с ума – один сдэбютировал на седьмой день допроса, другой улетел в психушку в 1989 году и, насколько мне известно, там до сих пор. Как я удержался – одному богу известно. Может, это ЕГО, Стоменова, воля, а может – потому что писал все это, выплескивал на бумагу. Приходило облегчение, опустошение...

Пилюльки, укольчики... Из службы меня турнули в девяностом, там уже всех лихорадило... да что я говорю, сам знаешь. Искал людей, хотел докопаться до истины, но все тщетно, все вилами по воде писано. Пиши по тому, что есть, сделай из этого книгу. А там, глядишь, в Россию подашь, деревеньку эту поищешь – глядишь, и выведешь чего. Был у меня такой порыв, но, чувствую – нет, не слажу, совсем худо мне, так и оставил эту затею...

Магия Смертной Силы... Тринадцать ее Воинов... Да, и еще – в 2001 году они ждут Прихода своего Сатаненка... Там тоже чертовщина неумемная – не он придет в Мир этот, а люди его найдут, придут к нему и попросят Силу и Знание...

Восьмой день допроса:

Стоменов: – Одни слова, которые вы говорите, могут давать вам Силу. Таких слов немного. Другие слова эту Силу отнимают, что встречается повсеместно.

Если ты, Борислав, орешь на свою кухарку, что «по стенке ее размажешь», ты теряешь силу и опустошаешь себя. Но еще замечу к этому, что некоторые очень несмелые люди обладают, как это ни странно, опасной внутренней энергией. Они не в состоянии дать ни физического, ни словесного отпора, а все их утешение – это мечтать опосля, как бы они изничтожили своих врагов. Бойся таких людей, они не ведают, что могут уничтожить тебя, не пошевелив и пальцем. В народе часто говорят – «сглазили», «порча», но это не совсем так. Когда не знаешь Силу, навредить можно только случайно, вдруг, и никогда – целенаправленно.

Наша вера говорит, что слова «удавлю», «убью», «уничтожу» и многие другие подобные словоблудия являются деянием бессилия, а не силы. Маг Смертной Силы не пользуется силою своего тела, чтобы искалечить или убить человека. Более скажу, что не произносит он настрого угроз таких словесных. Мне вот семьдесят девять лет, и я могу убить быка одним ударом кулака, но никогда не сделаю этого. Я молчал сполна сорок дней и сорок ночей, для того, чтобы приблизиться к магическому искусству. Четырежды я срывался – и все начинал сначала. Никола делал нам испытания: спишь, а тебе вилами в мягкое место. А заорать нельзя. Один раз я споткнулся на ровном месте, рухнув брюхом прямо на ежа... *(улыбается)*. Тонул в речушке нашей, где коту по колено. Никола говорил: «Если совсем худо, то заорешь, не удержишь, а если можешь держать – гибни, тони, гори синим пламенем, но молчи!» На сороковой день стая волков прижала меня к болоту, наши мужики рядом совсем, траву косят, а я кричать не могу, рот одной рукой зажал, в другую сук, а волчищ штук двадцать... И вдруг слышу – ору, ору благим матом, а рот-то я себе намертво зажал, зубы стиснул, ажно челюсти свело. Волки шмыг, шмыг, в разные стороны, мужики с вилами и косами мчатся, Никола идет, в бороду лыбится. Я кровь с прокушенной губы сплевал, голову опустил, мужики меня обступили, смотрят сурово, а Никола и говорит: «Закричал, значит?» Я молчу, вроде и кричал, и не кричал, сам не пойму... Никола лыбится, говорит: «Ты, Андрюша, по-другому закричал. Марфа ажно кипятком обварилась. Громко гаркнул. Ай, молодец!» Мужики загомонили разом, повеселели... Так у меня это вышло. Марфу Никола натер мазью особой, которую с отцом своим, Ерофеем, по июлям готовил, и прошел ожог ее в тот же день.

Вот так, Борислав. Ты, поди, волков только по телевизору видел, а я их, по молодости, войско целое изничтожил. После того, как я выдержал, Никола мне запретил. «Хватит, – говорит, – зверье почем зря губить. Скажу я слово одно, и кончится ваша вражда. Ты – зверь сам по себе, они сами по себе. Не пересекутся ваши дорожки больше». И правда, как бабки отшептали. Пошаливали они опосля, но редко, лениво.

Слова, Борислав, не помогают быть сильным. Если ты чувствуешь себя слабым – лучше молчи, не трать себя. Научись молчать – сделаешь первый шаг к Магии Смертной Силы. А что такое Сила, ты знаешь? Сила первого посвящения – это наука уничтожить своего недруга. Этим владеют многие, не только культы и маги, но и вполне цивилизованные кланы, к одному из которых принадлежишь ты. Сила второго посвящения, которой владеют немногие, – умение использовать достоинства врага в свою пользу, превращать их в недостатки. Сила третьего посвящения, которым владеем мы, Сила Смертная, неотвратимая и неодолимая – уметь делать людей слабыми, бессильными, податливыми, опустошенными. Для этого не нужны ни ваши мудреные бомбы, ни яды, ни войско. Слушай и молчи, Борислав. Так ты прикоснешься к Силе. Было время, и я сидел так перед Николой и внимал каждому слову. Как сделать медведя послушным, словно дитя, как сделать больно незнакомцу, стоящему за версту от тебя, как обрести Силу неземную, пронизательность звериную, нюх волчий, ярость нечеловеческую. Как оставаться нехворым и в

младости, и в старости, как голод познать и удерж от всего желанного... Слушай, Борислав – с ума не сойдешь если, то сильным станешь много более сегодняшнего...

Ты неплох духом, я это чую, хотя супротив меня тысячи таких, как ты, не хватит. Улыбаешься... Не веришь? Ладно. Вы уже другие, брезгливые к голосу старшего, уверовавшие во всезнайство свое. Говорите вы много, а слушать не умеете, впитать влагу ума бескрайнего разучились, словно детьми никогда не были. Когда Никола говорил, вся деревня его слушала, отец родной его слушал, не перебивал, кланялся благодарно. Мне было два годка, когда откровение ему пришло. Голос ему был громогласный и видения. Конец прошлого века был это. Мамка мне много про Николу рассказывала: как он на стаю волчью с голыми руками ходил, как дрался со зверьем; как на кладбище жил, от людей шарахался, голодом мучался, плотскими жаждами; исчезал надолго и возвращался, готовил настои и мази исцеляющие... Потом он нам говорил: «Испытание мне наказано было Великое, нечеловеческое». Все опосля проходили те же муки, что он сдюжил, – все проходили, да не все прошли... Баб наших, деревенских, он одной мерой мерил, мужиков – другою. Мне семнадцать годков стукнуло, когда не голосом я закричал, а Силой своей, и много было еще впереди... Марфа, которую я поминал уже, померла, не сдюжила, похоронили мы ее на кладбище нашем тихонечко. Мужика одного медведь задрал, другой, Федор, в проруби утонул. Федорова баба на сносях была, родила через месяц она двоих мальчиков – да мертвыми, синенькими. Никола сказал, что это хороший знак, ему Откровение было. Баба вслед за детками померла тоже. Схоронили мы их всех рядом, могилка к могилке. В девятнадцатом году, когда уходили мы из деревни нашей навсегда, Никола велел по пригоршне земли с их могилы с собою в дорогу взять. Сильная земля, колдовская...

Следователь: – Стоменов, может оставим...

Стоменов: – Борислав, не называй, голубчик ты мой, меня этак больше. Зовут меня Кривошеев Андрей Николаевич. Вот, Андреем Николаевичем и попрошу меня величать. Уговор?..

Следователь: (молча пожимает плечами).

Стоменов: – Значит, уговорились. Ты, Борислав, меня не торопи – я и сам все скажу. Дело ваше все равно темное, никому не ведомое, а что начальство твое мандражирует, так это пустое, Борислав, пока ямку не выроешь – водица не пробьется. Сиди, слушай, на ус мотай, а тот ученый (*кивает головой в сторону стенографиста*) – пускай пишет, авось, глядишь – деткам расскажет... Да только нет у тебя деток-то, верно я говорю, сынка? (*повернув голову, обращается к стенографисту*). Нету, нету, не зыркай глазенками-то, на бумаги свои лучше зыркай, чтоб справнее было.

И вот какая просьба у меня к тебе, Борислав, будет. Вы мой домишко ладно осмотрели? (*следователь неопределенно кивает головой*). Там, на окошке, цветочек стоял, помнишь? Цветочек-то вы загубили, когда землю рыли, искали ваши доказательства, а вот земля осталась, там и стоит в горшочке. Ты мне этой земли принеси, а опосля поговорим...

Кристо Ракшиев (из дневников):

...Отец Николы поклонялся своему сыну, как святому. Все произнесенные наказания сына исполнял с какой-то одержимой ретивостью. Он был единственный крещеный в этой деревне, носил нательный крест, рассказывал о Христе то малое, что слышал на ярмарках, на которых раньше бывал частенько. Почему то именно после смерти Марфы единственная ниточка, связывающая Кривошеевку с окружающим миром, оборвалась навсегда.

Деревня окончательно замкнулась на себе, погрузилась в мрачную атмосферу Смертной Силы. Той самой Магии, которую проповедовал Никола. Отец его прилюдно сорвал с себя крест, утопил его в реке и покаялся. Плакал страшно, ревел зверем, хотел утопиться сам... Никола остановил его, было откровение, что отец будет ему по правую руку.

Он творил чудеса – зверь бежал к нему сам, он говорил с птицей и рыбой, во дворе бродил волк, который слушался только его. Он лечил любые хвори и раны, но когда Марфа умирала возле ног его – встал и ушел. Когда дранного медведем мужика приволокли в деревню, он не пошевелил и пальцем, хотя тот был еще жив. Большой, большой сукин сын!!! Кривошеев говорил, что деревня словно перестала существовать для внешнего мира – никогда больше, до самого момента их ухода, не появлялись ни редкие путники, ни беглые изморенные каторжане, никто, никто... Они там все были или Кривошеевы, или Никитовы,

вся Кривошеевка, пять домов, чуть более семи десятков человек. Херня какая-то! Мне 43 года, и у меня никогда не было детей, откуда ОН узнал!? Откуда узнал? Сначала жена бесплодная, потом развод, редкие шлюхи, шлюхи, и ничего больше... Смогу ли я сейчас? Не уверен... Да к черту! ОН, ОН!! Кто? Почему? Зачем он эту девчонку? Иногда он поворачивается ко мне, и я вижу его глаза... Паранойя, бред, мания величия – ХА - ХА, у него разумный взгляд, быть может, разумнее, чем у нас... У меня... Психов я на своем веку повидал, я их чую, у них глаза...

Я боюсь. Мне страшно. Стал суеверным, напряженным, подозрительным. Все кажется неспроста. Чееррт!! Надо чего-нибудь попить, снять мандраж...

Магия Смертной Силы. Я полез в литературу и не нашел ничего путного. Возьмите то, посрите сюда, скажите это – чушь. Все книги говорят о том, как использовать некие магические формулы, все эти заговоры, присушки, свечи, заклинанья, эликсиры... Он же говорит о том, как стать магом. Интересно, смог бы я? Я знаю в совершенстве три языка, имею два высших образования... Я смотрю в зеркало и вижу костлявого уродца, провонявшего табачным дымом, с незаживающим красным пятном на переносице от очков, минус семь, гастрит, простатит, импотент... МАГ!

Мне сорок три года, и я убогое создание, под залысынами которого живут черви мозговых извилин. Много червей. Я умный... Я хочу быть, как он. Смотреть таким спокойным взглядом, угадывать судьбы и их содержание, иметь розовый цвет лица и ровные белые зубы. Не сутулиться и не глотать пилюли от изжоги. «У него абсолютно здоровое сердце», – говорят врачи, а мне страшно, страшно, у таких, как я, бывают ранние инфаркты... Я деликатен на работе и крою всех и все матом в своих писульках... Кого я ненавижу?..

В 1919 году Кривошеевка опустела. Покинули ее все жители без исключения. Сорок девять человек...

Девятый день допроса:

Стоменов: – У примитивных народностей смерть никогда не считалась естественным явлением. Они всегда искали причину смерти, причем смерть естественная при этом просто игнорировалась. Быть может, тебя прокляли, или ты прогневал какого-то бога, или убил свою душу на охоте, которая предстала в образе куропатки или зайца. Если взять даже небольшую часть всех поверий, связанных со смертью, вы, вероятнее всего, просто сойдете с ума, пытаясь защититься и оберечься от того, что неизбежно. Смерть Неотвратима, и это одна из причин Силы всего того, что связано со смертью и погибелью. За все надо бороться – за добрый урожай, за благополучные роды, за милость богов, за хорошую погоду, но только смерти не нужны ни ритуалы,

ни клятвы, ни вера. Смерть приходит к нам независимо от того, верим мы в нее или не верим, и еще никому из живущих на земле не удалось отворотить этот приход, откреститься от него.

Любая смерть – даже неприметной травинки на поляне – может сделать вас сильнее. Земля с могилы может дать вам еще пятьдесят лет жизни сверх меры, а может уничтожить в считанные минуты. Все зависит от того, умеете ли вы этим пользоваться. Ваш пистолет, Борислав, вы можете направить в лоб нашему трудолюбивому очкарику, или к своему собственному виску. Как видите, игрушка одна и та же, а результаты очень разные. Вы не отнеслись к моему пожеланию серьезно и принесли мне другую, ПУСТУЮ, землю (*следователь явно вздрагивает*), и очень жаль – не ожесточайте сердца старика. Принесите, прошу повторно, я буду вам премного благодарен...

Магия Смерти – вот чему научил нас Никола. Те из нас, что выжили, осваивая эту науку – очень любят жить, как это ни странно, и живут более, чем кто-либо другой. Более не в смысле, что живут триста или пятьсот лет, это все глупости, а в смысле... Да что говорить, гляди на меня. Я близок к восьмидесяти годкам, а здоровей тебя многократно, а ведь тебе только тридцать девять (*следователь вздрагивает*), последний раз я болел в 1916 году – и никогда больше. У меня здоровые глаза, я хорошо слышу, могу спать с женщиной, если захочу. Мы не участвуем в ваших войнах, не стремимся к власти и наживе, никому не насаждаем наши знания и опыт. Мне совершенно безразлично, слушаешь ты меня или нет, веришь ты мне или нет. Меня мало интересует, какого бога ты считаешь и поклоняешься. Все боги одинаковы – им нечего дать на земле нашей, вот они и обещают жизнь небесную...

Каждый мой шаг пронизан исключительной ясностью, чистотой и радостью от всего того, что я делаю и чем я живу. Мой мир прозрачен, потому что я им управляю, я его создаю и растворяюсь в нем. Смерть далека от меня, и рядом она окажется только тогда, когда я сочту это нужным...

Следователь (вскакивая): – Стоменов, вы чего несете?! Хватит молоть чушь!! Академик чертов! От какой чистоты помыслов ты девчонку в кастрюле сварил, святой ты наш?!!

Стоменов (тихо): – Сядь, Борислав. Андрей Николаевич меня зовут, мы же уговорились, да? Хочешь узнать, зачем я это сделал? Узнаешь... Ты сиди да слушай, не перебивай старшего, а я говорить буду. Девку я убил, не отрекаюсь и не каюсь. Зачем убил – скажу, только не поймешь ты... Она – путь-дорожка моя, она меня скоро с собой заберет...

Следователь (стоя, наклоняясь, шепотом): – Никак, старый, руки на себя наложить собрался?

Стоменов: – Дурак. Говорю же, не поймешь, а чего тогда спрашиваешь? Никола сказал: «Готовься, ты уходишь».

Следователь (раздраженно): – Ага, и Никола ваш живехонек?

Стоменов: – А то как же!? Живее всех живых! (*улыбается*). В Америке вашей, которую вы так люто ненавидите, поживает. (*Следователь садится, делает мне знак, мол, продолжай писать*). Сколько ему годков-то будет? Сейчас сочтем...

Было ему двадцать шесть, когда я народился, получается...

Следователь (перебивая): – Сто пять лет. Вы что, бессмертные, что ли?

Стоменов: – Сказок начитался, Борислав? Бессмертный один лишь Кощей, да и то смертен, стоит лишь до яйца его добраться. Каждому из нас свой срок влен.

Отец Николы в шестьдесят девятом ушел, в Казани. Марфа, не та, которая умерла, другая, сестра отца моего, в тридцать девятом, в Югославии. Все мы, Борислав, по всему миру разбросаны, все мы смертны, всем нам свой срок отпущен. Только вас смерть сама находит, а нам проводник нужен...

После того, как промолчал я сорок дней, Никола сказал: «Не ешь. Сперва – три дня и три ночи не ешь ничего, только пей воду студеную. Луна когда сменится полностью – снова не ешь девять дней и девять ночей. И опосля, когда две луны сменяются – не ешь сорок дней и сорок ночей». Голодовал я... Три дня было ничего, сдюжил, девять дней были самыми трудными, а сорок я перетерпел легко. На сорок первый день он питье мне дал особое – мед, жимолость, шиповник, клюква, лапчатка и еще травки кой-какие, специально зашептанные, мазью натер, специально сделанной, из клевера, шалфея и мать-и-мачехи – и упал я в беспамятстве. Сорок дней голодовал я – и сорок дней снадобья его настаивались. Вот так Никола уму – разуму нас учил.

Никола здоровущий был парень. По молодости развлекался на ярмарках – на спор жеребцу хребет с одного удара переламывал. Девок портил, горькую пил. Мамка рассказывала – только я родился, а он в канун декабрьских морозов – хлоп, словно ума лишился. Ходит, бормочет, от людей шарахается, по лесу рыщет неделями, придет – весь в кровище, драный, рваный, мычит нечленораздельно. Как снега весной сошли – повадился на кладбище спать. День в Кривошеевке околачивается, а ночью – шмыг на кладбище. Ерофей, отец его, тогда еще во Христа веровал – уж он крестился, молился истово, да все тщетно. Плюнули – пускай мытарится сам по себе, убогий. И вдруг – как сгнуло. Заговорил Никола, но по-другому, иначе... В поле со всеми стал выходить, работать, с девками не знается, горькую не пьет... Чудачества выкидывать стал. Волка из лесу притащил больного, полумертвого. Выходил. Ходит за ним зверюга, как привязанный, на всех зубы щерит. Ночью Никола из ковша воды отхлебнет – и на пару с волком на кладбище. Травы разные собирать стал: одни сушит, другие настаивает. Хворь лечил всякую, роды принимал. Потом совсем чудеса стали – идут мужики в лес, на охоту, а зверь сам на них бежит. Собираются бабы в лес по грибы – Никола говорит: «Вон там, в рощице, грибочки поглядите, кажись созрели». Идут туда бабы – и впрямь, грибные рассадки находят необозримые. Ерофей, с радостей таких, опять всю креститься начал, да поклоны бить Отцу небесному, только Никола его вдруг одернул. Теперь мне ведомо, а тогда никто не уразумел. Опал Ерофей, осунулся враз, почернел лицом... «Пойдешь?» – «Пойду!» И ушли они той ночью втроем на кладбище – Никола, волчара его и Ерофей...

Кладбищу нашему, кривошеевскому, триста лет, не меньше того. Оно и сейчас сохранилось, ЧУЮ я его. Деревня вот не сохранилась, а могилки живут... Вот так, Борислав, Смерть – она поухватистой будет. Помни это. И просьбу мою не забудь, землицы принеси МОЕЙ...

Двенадцатый день допросов (допрашивают Советы, московские):

Стоменов: – Знаешь, как Ольга наша баб неугодных изводила? Сейчас расскажу. В новую луну она собирала немного соломки и всю ночь куклу мастерил из всяких тряпочек. Тут самое главное при мастерстве – вообразить вражину во всех ее особенностях, чтобы духом ее куклу эту пропитать насквозь. Поспит Ольга немного, утром проснется, стол соберет, как обычно, сядет, но не съест ничего, только крошку от краюхи отщипнет. Посидит малость, уберет всю снасть, а затем на кладбище идет. Берет земли от самой старой и древней могилы, где женщина похоронена, и в дом землицу несет. В избе из четырех углов выберет самый темный и посыпет туда земли набранной. На другой день девка наша снова на стол соберет, посидит, кроху хлеба съест – и ничего боле.

Куклу смастеренную в уголок приладит, где земля могильная рассыпана. И вот так до полнолуния Оля на стол налаживает, и велено ей так, что чем ближе к полнолунию, тем богаче стол накрыт должен быть, а скушать можно крошечку

от любой еды. И еще Никола строго-настрого запретил: «Скажешь, – говорит, – хоть слово вслух недоброе про негодницу твою – сама издохнешь. За стол садись – огляди все внимательно, принимайся к каждому запаху, крошку свою съешь и на соперницу гляди неотвратно. Злость в тебе с каждым днем просыпаться будет страшная, а к полнолунию – испепеляющая, яростливая. Всю ее отдай негоднице, что в углу сидит у тебя в избе – но ни слова вслух не скажи, помрешь». Давал ей Никола травочки специальные, высушенные, чтобы она в полнолуние в определенное время их зажигала. Перед полнолунием шла девка снова на кладбище наше кривошеевское, брала еще земли с могилки, только теперь свежую землю брала... Подсыпала эту землю в тот же угол избыной, а в полнолуние налаживала самый роскошный стол с самыми невозможными яствами, обязательно все свежее и горяченькое. Крала себе на тарелочку кусочек черствого хлебушка, откусывала и, больше ни к чему не притрагиваясь, подле вражины своей в углу садилась, травки Николы зажигала в горшочке – и сидит, не спит, сколько сил есть, пока в изнеможении не свалится...

Следователь (кивая): – Черная месса...

Стоменов: – А это вы, Сергей Дмитрич, как угодно называйте, хрен редьки не слаще. Знаете, не завидую я бабам тем, которые с Оленькой познакомились. Ладно, если померла просто. А как если нет? Это ж муки нечеловеческие...

Но дальше, Сергей Дмитрич, вы никак не угадаете, чему ее Никола наш науськал. Или скумекаете?

Следователь: – Мм-м...

Стоменов: – «Ты, – говорит Никола, – землицы положи, как обычно, сразу в полную луну, куклу изготвь и ладанку мою зажги. Дальше все само собой исполнится». Вот и вся арифметика.

Следователь: – Андрей Николаевич, растолкуйте непутевому, что за петрушка такая это – с могилами, с землей, с мертвыми... Почему Смертная Сила? Разве сила жизни слабже будет? Неубедительно как-то...

Стоменов: – В Китае одна старуха образовала тайное женское общество, занимающееся околдованием мужчин. Ночью они отправлялись на кладбище, отыскивая могилу молодого человека, оставшегося целомудренным до самой своей смерти. Откопав могилу, женщины извлекали оттуда несколько костей, после чего носили их с собой или прятали в укромном месте. И если кто-то из мужей в чем то не угодил им, они особо отмечают на кости время рождения его, а саму кость зарывают или в море бросают. И становится с течением времени этот муж сумасшедшим. Или он тяжело заболевает, что ведет за собой неминуемую смерть. У приречников Обских другое поверье было: подложишь в гроб к умершему клок одежды или волос обидчика своего – и умрет он скоро, заберет его покойничек с собой. Торжество в смерти заключено неодолимое, неотвратное. Если ты дом свой покинешь, который сам срубил, поставил, обжил, своим духом пропитал – пройдет тридцать лет, и не останется в месте том ни крупички духа твоего. А захоронишь человека случайного, неведомого – и пятьсот лет пройдет, а земля дух его смертный хранить будет, силу Магу дать сможет... Вот так, Сергей Дмитрич, выходит. Умеючи челобитную смерти бьешь – чудеса творить сможешь, жизнь лучше узнаешь, краше будешь. Неумеючи возьмешься – иль ум потеряешь, иль Смерть примешь, которой невежно кланяться вздумал. Бывает и так – не ведают люди, а преклоняются, и дается им сполна. Приходят другие, на то же место, не преклоняются – и звезды содрогаются, видя как мир их рушится...

Следователь: – Чего ты, Андрей Николаевич, загадками заговорил, не пойму я тебя?..

Стоменов: – Загадки, Сергей Дмитрич, ты в Москве у себя разгадывай. Чаша вами будет горькая испита – заговорите вы плохо о мертвых, а могилы в доме своем оставите... Я об Ульянове вашем говорю, да о смертных, в стены замурованных. Случайна сила ваша, потому что Знание не имеете, но и ее потеряете, потому что оплюете могилы, но рядом их оставите. Худо из речки пить, в которой врага своего утопил. Ты думаешь, Сергей Дмитрич, люди в мавзолей этот рвутся, чтобы на Ульянова вашего посмотреть? Медом там, что ли, намазано? Нее-е-т, голубчик, это они Силу почуять приходят! Великая Сила там есть... Мертвое всегда величественно, вспомните пирамиды Египетские, живое – преходяще, скоротечно, случайно. Как вы, как я, как птицы и звери вокруг... А ты попомни – оплюют вашего Ульянова, и придут в ваши дома беды великие. Забыли мудрость народную – «О мертвых или хорошо, или ничего», так вам кровью сие отхаркнется.

Следователь: – Ты, Андрей Николаич, не чревоуещай: девчонку сгубил, а нас тут поучаешь...

Стоменов: – А ты не мешай, не мешай все вместе. Человека извести – дело пустяшное, ненаказуемое, а вот смерть его не уважишь – заплачется слезами горькими и на этом свете, и на том. Пришел немец в дом твой – ты его убил, и лад с ним, но если слова доброго сказать могилке его не сможешь – так и не хорони его рядом с собой, а где-нибудь далеко-далеко, где нога твоя больше не ступит. А то, что лисы по кладбищам шмыгают спокойно, медведи бродят – так не удивляйся, в звере зла нет, они как дети малые... Никола со зверьем, как я с тобой сейчас говорю, говорить мог, но не словом – Силою своей. Той Силою, что я мужиков на подмогу позвал, рта не раскрыв, – и услышали. Запомни, Сергей Дмитрич, отхаркнется. До конца века нынешнего почем зря рвать друг друга будете.

Следователь: – Ладно, ладно, поживем – увидим. Расскажи лучше, Андрей Николаевич, как ты Магом силы своей смертной сделался, а я послушаю.

Стоменов (глухо, опустив голову): – Сон мне был сегодня под утро, Никола был, пост у меня начинается – три дня и три ночи. Сергей Дмитрич, скажи хлопцам своим, чтобы не докучали – не ем я три дня, уговорились? *(следователь кивает головой)*. И еще просьба к тебе будет, водицы бы мне в эти дни особой – до льда ее сморозить, а затем оттаять... Этой водичкой я три дня и буду питаться...

Десятый день допроса:

Стоменов: – Как я отношусь к женскому полу? Хорошо отношусь, чего еще тут скрывать. А вот как девки меня любят – так это любо-дорого послушать! Нам, Борислав, как заповедано: желанья плотского не чурайся, женской ласки периодически вкушай всласть, а если на какую хранитель особо укажет – семя свое дай ей, чтоб, значит, потомство твое по свету шло. Глянется если баба какая особенно – с ней всю жизнь оставшуюся провести можешь, но только с условием одним-единственным: не быть в союзе этом деток никогда. Так нам Никола заповедовал: «Семя Кривошеевское в третьем колене тогда только сильным сделается, когда дите, народившееся во втором или в первом, без отца своего будет с рождения своего». От чего так – не знаю я, Борислав, да только семя свое Кривошеевский или Никитовский сеет, но воспитателем народившегося не становится, равно как и баба – если в чреве своем от мужика какого-то нужного в чреве своем носит, то и по разрешению благополучному воспитателем мужика этого делает и больше ребенка этого не видит никогда.

Ну а если баба из наших полюбовника найдет себе на веки вечные, а бабе нашенской такого найти, что тебе затылок почесать, трудов не составляет, она

плечом поведет – да и повалится поллюбовник этот в ноги ей... Так вот, и ей тогда деток не иметь никогда будет. Так Олюшка наша поживает – та, которую поминал я уже, как баб из других деревень изводила она... Живет с миленком своим в краях швейцарских, домик у них там ладный, живут вдвоем, мужик ентот надышаться на нее не может. Она его подмолодила Силою Магии втайне, хвори многие у него извела, ни слова об этом ему не сказав. Любит его она, сильно любит, Борислав... И знаешь, скажу я тебе что? Смерть то ей раньше принять придется, да только и он за ней поутру на день следующий помрет. Вот и выходит сказочно – и жили долго и счастливо, и умерли в один день... И в царстве ином любить друг дружку будут вечность, так уж она для себя и для него выбор сделала...

У меня, Борислав, девять деток по миру этому ходят, восемь сынков и одна девка. Их я не видел никогда, но коли чего знать о них захочу – хранители всегда скажут все в подробностях. У Николы четыре сыночка будет – трое по Руси шастают, а один, значит, гражданином Америки является, с именем нерусским. Отчего так по-разному выходит – так это не нам решать, а хранителям нашим, а по страстям телесным – тут уж мы сами распорядителями будем... Слышал, Борислав, сказочку, где шапка-невидимка была? Так вот, у меня и у других, Кривошеевских, как будто эта шапка-невидимка имеется. Ты не хмылься, а до конца дослушай! *(вероятно, следователь сгримасничал, я этого не заметил. – Дополнение К. Ракшиева)*. Мы ведь, Борислав, до людского внимания не особо охочие будем. Возьми соседев моих – жили рядом, а ничего они сказать-то обо мне не сказали, верно? Видеть они меня видят, да не замечают совсем. Мимо меня их взгляд проходит, словно интересу к персоне моей нет у них ни на грош, словно и нет меня там, где я стою... Вот это и есть шапка-невидимка, про которую объясняю я тебе. Никакая, конечно, не шапка это, а состояние духа особое, колдовское, магическое – чтоб, значит, от любопытства и любознательности человеческой хорониться, для глазу людского неприметным делаться... Во как, воодушевился ты, смотрю, никак пользу для наук шпиенских ваших почуял, ась? Только не о шапке этой речь я веду, а о том, что если время утех любовных настает. Если девка какая-нибудь интересна мне стала, то шапочку снять эту надобно, потому как не имеет к тебе интереса ни люд, ни зверь, если угодно, пока в настрое этом находишься. А как снял – тут и девку охмутил крепко-накрепко. По законам библейским выходит, что грехом великим прелюбодеяние является, а если по-нашему, то благость и Сила в этом выходят немалые, только правильно взять уметь это надобно. Никола так науку эту давал: коли не знаешь утех любовных, то познать должен непременно – с этого путь Мага начинается, Борислав, хотя и странным тебе это казаться может. Если баба целомудрие свое утеряла, а удовольствия нету, то сладить так все надобно, чтобы пришло к ней это. Никола для этого и мази особые делал, и настои травные, и смеси трав сушеных, для костров предназначенных.

Мужика одним способом правил, если никак не способен был он по части этой выполнить, бессилием страдал, бабу холодную – другим... Непроста его наука была, Борислав, ой непроста. Велено было умение иметь самое совершенное – если для бабы, то, семя получив, ход ему давать или не давать на усмотрение свое. «Опосля, – говорит Никола, – хранители с вами будут и доподлинно скажут, надобно ли семени попавшему ход дать, аль не стоит, а пока сами кумекайте, нутро свое слушать умеете»... Если мужику науку давал, то семя брошенное учил по воле своей плодным или бесплодным сделать, а еще чтоб Сила была у него долгою и приходила повторно в самом быстром времени. Как учил, опосля расскажу, если охота будет. Так вот, когда баба охочею станет надежно, а мужик какой от слабостей своих избавление возьмет

– так зачинать надобно потеху свальную в месяц два раза – на луну новую и на луну полную особенно. Деток, малых совсем, травкой опаивали сонной, да еще двух старух и мужика одного, хворого безнадежно, бессильного, а остальные все к полночи на поляне лесной располагались... Никола сосуд с собой брал, где настой его, для дел этих надобный, был, да черпак – чтоб пить, значит, а Ерофей, отец его, котомку захватывал, где травы сушеные для костра были. Питье свое Болтун – водой называл Никола, а травок этих смесь Шалунок кликалась. По приходу Никола костер большой раскладывал, а костер половинно собирался из свежих веток лиственных и хвойных и из суковин старых да высохших. Ерофей Болтун - водой всех опаивал, да и сам попивал изрядно. Разжигал Никола костер великий, а потом сидел подле него, да Шалунка время от времени подбрасывал, а в потехе нашенской участия не имел, потому как охрану строго держал от путника случайного да от зверья неожиданного... *(следователь ерзает на стуле)*

А уж мы, Болтун-воды опившись, до утра тешились... Там, Борислав, сестру от брата никто не различал, равно как и дочь от отца своего... Все смешивались... *Следователь (останавливая жестом):* – Говоришь складно, только больно уж скучным рассказ твой выглядит. Не воодушевляли тебя ночи эти, как я погляжу. *Стоменов (вздыхая):* – Эх, Борислав, Борислав... До чего вы народ мелкий, как я погляжу. Тебе вот начальство твое оборот сделало пустяшный, а ты уж и за сердце хвататься, а по роду Кривошеевских что я, что другой кто-то сердчишко твое вырвет рукой голою – и свое лишней раз не дрогнется. Жизнь у нас степенная, равновесная: одно время приходит – и страстности придаешься великой, другое время настает – и удерж совершаешь, Силу большую обретаешь, а третье приходит – помощь кому-то делаешь, аль, напротив, недруга жизни лишаешь... Я, Борислав, удовольствие имел тогда, когда в потехах этих участвовал, а не теперь, когда про них сказываю, потому как страсть плотскую только плоть одна и содержит, а если ум плоть удовлетворить умеет – так и мертвою для страстности та плоть будет...

Кристо Ракшиев (записи в дневниках):

... Я попробовал обобщить его рассказы, но не уверен – получилось ли у меня?

Поговорить бы с НИМ! Но мне категорически запрещено инструкцией пытаться разговаривать с подследственными... Кривошеев сидит в одиночной камере при нашей больнице, начальство перестраховывается, даже больничную одиночку не дают. Кривошеев ведет себя спокойно, ему не показано никаких лекарств, колоть будут только в случае острой необходимости – неожиданный психоз, острые состояния, приступы и т. п. В соседней камере, рядом со следственным кабинетом, куда Кривошеева приводят на допрос, постоянно дежурит бригада со всем необходимым. Когда метелкам *(по всей видимости, подразумеваются или следователи, или оперативно-розыскные мероприятия. – Прим. переводчика)* все это порядком поднадоест, следственную часть закроют, Советы уедут к себе в Москву, а Кривошеева наспигуют спецсредствами. Если сейчас он болен, то, когда «выздоровеет», человеческую речь понимать не будет. Это когда-то случится, а пока он говорит, его слушают, а я пишу. По воскресеньям, если нет никакой чрезвычайщины, мои полномочия выполняет дежурный референт. Я пропустил уже два допроса, один шестичасовой, наш, другой четырехчасовой, когда допрашивали русские. Поинтересоваться происходящим опасно. Черт, черт подери их всех!!

Русские ведут допрос более лояльно. Без драм, без истерик, не вступая в полемику. Возможно, они знают больше, чем мы... Может, и правда, что была

такая Кривошеевка, и русские ее нашли. Нашли, а что толку? В деревне ли дело? Нет, тут другое что-то, непонятное для нас...

МАГИЯ СМЕРТНОЙ СИЛЫ, обряды посвящения:

Всякому юноше, или мужику взрослому бабу познать хоть однажды. Это одно из непременных условий. Слабых по этой части было мало, Никола их лечил особо, настойчиво. Нет если мужской силы – не годишься, страстности надобной не будет. Бабе – такое же правило, мужика познать хотя бы единожды.

По словам Кривошеева, с этого берет начало обрядовая часть Смертной Магии.

Сексуальные инициации при этом имеют ярко выраженную оккультную, ритуальную окраску, которая сначала нарастает, но в общем многолетнем процессе магической инициации постепенно сходит на нет... Взаимоотношения полов, в конечном итоге, теряют всякое магическое значение, становятся обыденными: продолжение рода, естественная физиологическая потребность и удовольствие. А вот магическим становится процесс полового воздержания: три дня, девять дней, тринадцать дней, затем сорок дней, далее – триста девяносто дней непрерывного полового поста. Кривошеев говорит, что если хочешь немного Силы – удерж в девять дней достаточен (я так понимаю, в контексте всей инициации, а не сам по себе), если Сильным быть хочешь – сорок дней удерж должен быть, и триста девяносто дней сдюжишь – Магом Силы Смертной стать сможешь. Да, вот еще что – они же настой пили, специально сделанный, искушающий: для баб один, для мужиков другой – я так понимаю, афродизиаковое средство. При мне Кривошеев способ приготовления этого настоя не рассказывал: возможно, говорилось это в одно из воскресений, когда я выходной. У него несистемный ум, он рассказывает то одно, то другое, непоследователен, как ребенок, который на одном месте усидеть не может...

Попробую свести все, ИМ сказанное, воедино. Должно, должно получиться!..

P.S. ...Перечитал – и выругался: Папюса из меня явно не выйдет. Ай, и черт с ним...

Двенадцатый день допроса:

Стоменов: – После того как молчал я сорок дней и сорок ночей, словно немой, Никола собрал меня и еще семерых мужиков, которые отмолчались уже до меня, чтобы научить нас с ТЕМ светом разговаривать. Это вы сегодня только кресты носите да поклоны бьете, а веры в вас никакой, а мы верили, верили беззаветно каждому вздоху его. Никола велит, чтобы мы с царством мертвых заговорили, угодили путникам встретившимся, и нашли себе девять особых душ, которые опосля всю нашу жизнь земную, до самой смерти, станут хранителями и назидателями судеб наших. «Царство мертвых необозримое, ста жизней не хватит, чтобы обойти его, – говорит Никола, – а найти вам там велено тех, чье имя таким же будет, как и ваше. Тебе, Андрюша, как зеленому самому, поясняю – девять душ Андреевых найти ты должен. И у каждого из девятих смерть особая приключилась»...

Душа первая принадлежала человеку, который случайную гибель принял, неожиданную. Один может на льду оступиться, упасть, и его в промоину под лед унесет, другой – в трех соснах заблудился, да так там и остался навечно, третий поперхнулся случайно... Смертей много разных, и найти из таких первую душу нужно. Она как оберег будет – от всяких случайностей и неожиданностей. Будет рядом – и не оступишься, не поперхнешься, не заблудишься, охрана будет тебе надежная днем и ночью.

Тело души второй погублено было пожаром, и душа эта хранить тебя будет от огня и молнии небесной. Можно взять того в Хранители, кто в огонь кинулся добро свое да злато спасать да и сгинул, потому как справный охранник он будет, всевидящий опасности огненные.

Третья душа человеку принадлежала, что помер от хворей и болезней, беречь тебя будет от недомоганий и нездоровья. Тут наиболее желателен житель царства мертвого, кто с особой досадой от хвори смерть принял, шибко умирать не хотел, но умер все же...

У человека, чья четвертая душа нам надобна, жизнь силою отнята была: или казнен он был, иль повешен, а может, убили его воры или конокрады... Хранит меня душа эта от приговора смертного, от убийц и от замыслов в мою сторону смертных.

Пятая душа – душа утопленника, кто утонул не по желанию своему, а по прихоти моря или стихии. Ладнее всего тот потонувший выходит, кто смерть от воды принял тихим попутчиком при переплыве в земли другие.

Шестая душа тому Андрею принадлежала, который руки на себя наложил. От любви ли несбыточной, от мук каких-то душевных, от отчаяния или страха огромного, разные самоубийцы бывают – и лучше всего здесь будет, если смерть найдешь случайную, пустяковую, глупостную. Чем больше в мире ином человек досаду терпит, что совершил себя убиение, тем ладнее. Будет самым надежным назидателем и сохранителем.

Следующий человек, с чьей душой я в договор вступаю, убит был в войнах больших или малых. Здесь лучше большую войну взять, жестокую, надежней хранитель будет...

Восьмая душа – зверем и лесом хозяин ее погублен был. С этой душой знаешься – ни хищник не тронет, ни гриб – ягода не отравит, а еще узнаешь свойства живого мира тайные – как малиной спелой сгубить можно, или как травой ядовитой от недуга вылечить. Лучшим самым здесь будет, если травкой случайной иль ягодой какой умертвился Андрюша мой...

Девятый Андрей колдуном был умерщвлен, или магом неведомым – всяким, кто гибели его добился, особые знания используя. Это душа нечастая, долго искал я ее... Знаний истинных немного, много разговоров о всяких якобы знаниях... Нашел я такого Андрюшеньку, Яшка Салаутин его изничтожил, был такой колдун в семнадцатом веке...

Вот так выходит, Сергей Дмитрич, девять покойничков меня охраняют...

Следователь: – Как же ты, Андрей Николаевич, – с такой-то охраной – и здесь очутился?

Стоменов: – А мне здесь опасности нет никакой. Коли была бы, не сидеть нам здесь никогда, мне Андрюша – висельник наперед все рассказал за целую луну.

А ты иронизируешь, старику не веришь... Хошь – верь, хошь – нет, дело твое, а я говорю, что известно мне. Умирать мне своею смертью, другой не будет.

Следователь (официальным тоном): – Нам вместе с материалами дела был предоставлен рапорт, где высказывается мнение, что вы, Андрей Николаевич, подумываете о самоубийстве. Вы не объясните такую точку зрения наших сотрудников, мнение которых мы, безусловно, очень ценим... Следователю показалось...

Стоменов (перебивая, твердо): – Ему показалось... И чего я тебе, Дмитрич, про сохранителей толкую, не пойму. Не слышишь ты меня, что ли?

Следователь: – Я просто спросил.

Стоменов: – Ладно, Сергей Дмитрич, пустое это. Слушай еще историю, которую Никола мне сказывал после войны. Был один такой парень – все его Леха звали, ни фамилии, ни отчества, а так – Леха и Леха, и все тут. Леха в сорок третьем с партизанским отрядом в лесах Белорусских шмыгали, яко

волки, немца били нещадно. Как-то сработала недалеко их ловушка, что они немцам устраивали в изобилии, двое отсталых на mine подорвались. Партизаны сбросились, а немчуры оба живые, руки там оторвало, ноги, но дышат оба, хрипят и в сознании. Леха, не долго думая, подошел да и расколол им головки ихние прикладом. Ну, поплевали все, как делается обычно, когда собаку бешену прибьют, да и поворотились, а Леха говорит, что, мол, хоронить их надо. Брось, говорят мужики Лехе, собакам смерть собачья, а Леха ни в какую – схороню, и все тут... Матюгнулись мужики отрядные, да и в леса пошли, Леху с мертвыми оставили. Схоронил их Леха так, как ему батька еще в детстве покойничков провожать в мир иной заповедовал. Ночь отточевал, а поутру своих нагонять пошел. По следу идет ихнему – так и вышел на хутор, дотла сожженный. Бабу только одну нашел, сидит, венки плетет цветочные. Повела его баба к окраине, кажет на землю сырую, гусеницами танковыми изъезженную – тут, говорит, голубчики твои, все твое войско. Повязали их ночью, сторожа закололи, а остальных поутру в землю-то живьем – и танком укатили... Девять партизан и четыре сельчанина оставшихся. «Чего ж ты, дура, венки плетешь? – спрашивает Леха, – давай крест им сладим». – «Ты, сынок, – баба говорит, – хошь – крест ставь, хошь – образ, а я всю ночь в лесной воронке сидела, Господа молила, утром глазами своими все это глядела – и как молила, как молила... Ставь, коли хошь, а я веночки плести буду, ибо нет со мной боженьки»... Вот так, Сергей Дмитрич, Леха жив остался, от смерти страшной ушел, потому как жизнь отбирать не гнушался, но к мертвому уважение имел. По сей день этот Леха здравствует...

Мне восемь, аль девять лет было, когда мы с дворовыми на кладбище наше пошли. Ну, дело известное – залезешь на печь и давай истории страшные калякать: про мертвецов, про леших, про домовых и другую нечисть всякую. Каждый рассказчик вовсю старается, чтоб страху побольше нагнать. А опосля – давай друг дружку подзадоривать, айда, мол, на кладбище наше – сдюжим или не сдюжим, и про Николу больно охота узнать, чего он там с волчарой своим делает. Шасть туда – трясемся, девки две маленькие, Никитовские, повизгивают от страху, боятся. Темень страшная, луна полная, лес шуршит, тени какие-то, звуки разные. Вдруг волк из леса – прыг к нам, встал и щерится, а за ним Никола выходит. Хвать меня за отворот, как самого старшого, к Кривошеевке повернул, толкнул легонько, идите, мол... Много позже, когда голодовал я первые три дня и три ночи, я спросил у Николы, худо бы было, если попали бы мы тогда на кладбище Кривошеевское? Он плечами пожал, говорит равнодушно: «Земля кладбищенская Силу вам дать может, а вы свою, ничтожную, искать пришли, страх свой одолевать. Худа в этом нет, да только и проку никакого»...

Чтобы Силу обрести – надобно удерж всякий познать. Но удерж особенный, магический, наставниками смертными заповеданный. От желаний плотских, от потребностей чрева ненасытного, от слова пустого, от ока бездельного. Будет прок, если жажду свою силой своею сделаешь, а как сделать – никем не сказано, одному лишь Николе ведомо. Сделаешь – царем незримым сделаешься, Силу обретешь сказочную, моря и земли далекие преодолевающую. Но коли не сделаешь, а только сдюжишь, перетерпишь – не будет от этого толку никакого, окромя того, что трудности лихие лучше других переживешь, если придут они в дом твой... А еще – помереть возможно от слабости, или погибнуть, когда испытание тебе дается.

Удерж от желаний плотских трудно мне давался. Утром из ковша отопьешь настоя, что Никола настоял и пить по утрам велел, – и в поле, сеяли мы тогда. Работу тяжелую Никола запретил мне. Хожу, семя сею, а самого то в жар, то в холод бросает, тело истомы сладостная заволакивает, голова кружится... То ретивость чую преодолевающую – кажется: схвачу, сволоку в лес, оприходую –

раз, другой, третий, а там будь что будет. То ярость меня душит нечеловечья, ненависть страшная, испепеляющая. То страх нападет, то видения какие-то – аль морды привидятся кореженные, аль бабы какие то, ненашенские, извиваются, телом голым бахвалятся, с собой зовут... Как сорок дней вышли, сказал мне Никола одно только: «Добре», – и сгнуло все сразу, упал я на землю в беспамятстве и две луны проспал непробудно.

Три дня был удерж, потом – девять дней и девять ночей, потом – тринадцать и сорок. И только в 1944 – 1945 годах здесь, в Софии, Силу принял я большую, триста девяносто дней и ночей плотской жаждой испытываемый. А тогда, после сорока, повел меня Никола в лес с раннего утра июльского. Два дня и ночь еще он вел меня неведомо куда – и остановился внезапно, словно сигнал ему был какой. «Будет тебе, Андрюша, суровое испытание – учти, помереть можешь, сгнуть, волками быть съеденным, медведем подранный. Знаю это, поэтому не неволю – если удумаешь – хорошо, не удумаешь – воля твоя, только отрекусь я от тебя опосля этого». Согласился я, не раздумывая. Достал он тогда из котомки своей коробочку берестяную, дал мне. «Средство, – говорит, – там особое, для тебя изготовленное. Я сейчас уйду, и как только скроюсь за деревьями – ты глаза покрепше закрой и вотри того, что я дал тебе, бровей чуть пониже, затем ляг – и на земле лежи, пока сверчок под ухом не засвербит. Тогда встанешь – и возвращайся домой».

Сделал я все, как он велел, в точности. Сверчок запел – поднимаюсь я, а в глазах темно. Не вижу ничего. Слеп стал. Слечит, выходит, Сергей Дмитрич, эта мазь Николова, уразумел? Прикинул я про себя – верст эдак сто мы с Николой отмахали, не меньше... Страх в меня вошел нечеловеческий, скрутило всего, к земле потянуло. Лег я на землю, дрожу листом осиновым, руки-ноги под себя поджал... Слышу, сверчок опять запел, схлынуло с меня, тело расслабилось. Лежу, сверчка слушаю, звуки другие, шорохи, запахи чую. Слышу, как ветки деревьев качаются, листья шуршат, стуки какие-то, скрипы, птицы щебечут. Пополз потихоньку, знаки на деревьях поискать... Семнадцать дней я плутал, по-зверьему шел, на четырех, ягоды ел, траву, грибы некоторые.

Зверя чуют стал, различать – зайцы, секачи, лоси, с медвежонком малым нос к носу стоял, не знаю – то ли прибили мамку его, то ли рядом где-то была, но не пошла... Свезло мне, в общем, Сергей Дмитрич. Волки не встретились, секач не пропорол, два последних дня ногами шел – чуют сначала стал, словно видеть, а опосля и видеть вовсе взор особым, внутренним. Вернулся в Кривошеевку, значит. Никола сказал: «Слеп не будешь, но обожди, на новую луну поправлю, не раньше»... Время пришло – в ночь прыснул он мне в лицо чем то, вонюче – спасу нет, спать наказал. Но прозрел я тут же, ночь в глаза брызнула. Это, Дмитрич, пока не испытал – не поймешь, когда ночь ярче дня ясного кажется... Сдюжил я – я вот двое не сдюжили, хотя старше меня были и опытнее. Один сгнулся навечно, другого медведь подрал насмерть. Вот это и называется, Сергей Дмитрич, удерж от ока бездельного. Глаз-то у нас всевидящим себя мнит, всеведающим, всезнающим, но закрыть его стоит – и беспомощен ты, словно болезнь страшная тебя одолела. Пуст взор у людей нынешних, как и речи пусты ихние, но обретешь взор внутренний и мысль громогласную – и пустое пустым перестанет быть. Вот что такое Магия Смертная, Сергей Дмитрич... Око твое, врага почуявшее, когда он в тысяче верст от тебя находится, слово твое, сказанное, но вслух не промолвленное, жальче стрелы разящее, поступь твоя, силу у сильного отнимающая! Торжество Убиения недругов, но почитание Смерти их и содружество с душами ихними – вот что такое Магия Силы Смертной...

Кристо Ракшиев (рассказывает):

Понятий добра и зла у них не существовало. Когда речь заходила об убийстве, о том Зле, которое он совершил, – Кривошеев не понимал всего этого с какой-то наивной, умиротворенной непосредственностью. Он часто говорил: «враг», «недруг», «вражина», «неугодный», «неприятель» – но эти понятия были достаточно конкретны и не формировали собой категорию. Когда Стефан (*первый следователь, который допрашивал Кривошеева*), да, кстати, на седьмой день он не вышел на службу, позвонил, сослался на недомогание... Через сутки его поместили в наш же дурдом на почве какого-то припадка: насколько мне известно, он до сих пор там, совершеннейший овощ (*психиатрический жаргон, полная неспособность больного совершать какие-то осознанные действия. – Прим. переводчика*), так вот... Мм-м, да! Стефан ринулся на Кривошеева, как бык на красную тряпку, обличал его во Зле и злодействе, но тот только щурился да плечами пожимал. Я происходящее понимал плохо, стенографировал почти машинально, в голову лезла чертовщина всякая... Стефан нервничал, а Кривошеев сидел, как истукан, – спокойно, величаво, отвечал размеренно. На попытки вывернуть произошедшее наизнанку – мол, зло вокруг вас, а вы добро несете, пусть и жестокое, но добро – отреагировал еще более равнодушно... «Я, – говорит, – понять не могу, чего ты мне тут лопочешь, а коли грамотный такой, так и лопочи сам с собой, без меня»... Стефана одернули, говорят – не суетись, не дави, может, пердун этот старый и сам колонется. Пятый день допроса я пропустил, о чем они говорили – не знаю... На шестой слушаю, понять ничего не могу, о каких-то врагах, о силе, кладбищах, ненависти. Стефан бледный, дергается, меня непрерывно останавливает, хотя, по инструкции, запрещено... Но он мой непосредственный начальник, приказ есть приказ, если что не так – пиши рапорт вышестоящему. На седьмой день Борислав эстафету принял, на одиннадцатый – русским ее передал. Пишу, пишу... Тошно мне, Вит, сил моих нет никаких – как тошно...

Шестой день допроса:

Стоменов: – В природе не существует нравственных законов. Я все детство провел рядом с землей, травами, лугами, рекой, зверями дикими – и что-то о таких законах не слыхивал. Если ты в этом дока – так вразуми старика, а то я томлюсь, тебя не понимаю... Столкнулся ты с неприятелем в чистом поле – он себе кумекает, что ты злой человек, а ты – что он зло для тебя непереваримое, и кто ж прав-то из вас, мил человек? Торжество жизни своей подле смерти чужой лучше всех почувешь, вот так-то, родимый. Без нужды букашков людских не тронь, а как есть нужда, так и мертви его, не жалеючи. Ты, Стефан, сам мысли смертные вынашиваешь, только хилый ты больно – и духом, и телом. Одна отрада, на пистоль свой надеешься – аль застрелю, ай застрелюсь, так ведь, милоч? Так... Чего замандражировал-то? А ты, очкатый, не пиши, вишь – не хочет человечешко, чтобы ты это на бумаге своей калякал. Верно я говорю, Стефан? (*следователь дергает плечом, запись продолжается*). Я тебя, букашонку, насквозь гляжу, все про тебя знаю. И не бахвальства ради говорю тебе все это (*сигнал прекратить запись*), а только ведаю – надо говорить, и говорю тебе... Струхнул, не пошел на могилку? Да и шут с тобой. Ну, курлыкай дале про зло свое, а я послушаю...

Следователь (сигнал продолжить запись): – Объясните, почему вы убили эту девочку?

Стоменов (равнодушно): – Хошь, расскажу, как я ее убил? Послухай, Стефан, послухай! Взял я ее в полночь за обе ручонки, сжал крепко-крепко, она на меня глазищами своими глядит, не пикнет – это я ей СЛОВО шепнул

заговорное, чтоб нема была. Левою рукою ручонки ее держу, а правою горлушко ее охватываю и сдавливаю, медленно-медленно, и в глазенки ей смотрю пристально, взглядом особым. Как только задохлась она, положил я ее на пол и танец исполнил специальный, колдовской – это, Стефан батькович, для того я сделал, чтобы обряд ее схоронный иным сделать... Ай, не понять тебе! Танцу этому Никола меня обучил, когда мы по украинам в двадцать первом шмыгали, особенный танец это, Силу сберегающий, а еще для того он надобен, чтоб хранители твои от тебя не отреклись. Как с хранителями своими уладился – одежду всю с девки снял и в ванну ее, чтобы кровь-то по полу не разливать. Отчищал у нее головку, кровь спустил, обмыл водицей, ну а потом, сам понимаешь, покромсал ее всю, чтоб уварить можно было... Значит... Эй, сынку, чего пот-то льешь, остынь!.. Очки, очки, плесни водицы Стефану, а то худо ему. Слаб ты, ой слаб, милок, ни на что не годен, зря я только воду в ступе толоч. Ну, лучше? Лучше? Остынь! Все, хватит на сегодня, будя!

Кристо Ракшиев (дневники):

В столовой подсел к Фрейду. Фрейд – прозвище одного из наших психиатров, он научный сотрудник, специализируется, в основном на психодиагностике. Фрейд апатично ковыряет салат, на столе стоит начатая бутылка пива. Им можно, в отличие от нас...

– Чего там старый пердун? – столь же апатично, без интереса спрашивает он у меня. Стоменова все почему-то называли исключительно так. Я пожимаю плечами...

– Одно да потому – Никола велел, Никола сказал, Никола научил. То три дня не жрет ничего, то до бабы сорок дней не притрагивается...

– Ясно, – скучает Фрейд.

– А что ясно-то?

– Старо как мир... Во многих оккультных школах ученикам советуют хранить целомудрие, чтобы не тратить попусту свою энергию, – Фрейд вздыхает, опять берется за пиво.

– А почему три, а не семь и не одиннадцать? Почему девять? Почему сорок? Фрейд смотрит на меня с секундным любопытством. Потом этот интерес возвращается к пиву.

– Три, девять и сорок – это поминальные христианские каноны.

– А тринадцать?

Фрейд рассматривает содержимое бутылки, словно прикидывая, хватит ему этого или нет.

– У древних евреев число тринадцать и слово «смерть» писались одним знаком.

Я понимающе киваю головой.

– Фрейд, слушай...

Он любит свое прозвище. Наверное, это ему очень льстит...

– Фрейд, а правда, что когда Сталина из мавзолея выкинули, то золотые пуговицы на кителе поменяли на латунные?

– Есть такое дело, – изрекает он.

Я вижу себя со стороны. Меня бьет озноб. Мне двенадцать лет, я стою у могилы своей мачехи и – плюю, плюю, плюю в ее камень, не в силах остановиться. Я пинаю сухие комья земли, и они рассыпаются в пыльные брызги...

Фрейд ушел. Толстая баба за стойкой размазывает разлитый кетчуп... Меня тошнит. Мне страшно. Шестнадцатый день допроса...

Шестнадцатый день допроса (Советы):

Стоменов: – Когда убиваешь человека, Сергей Дмитрич, правильнее всего будет похоронить его по-особенному. Когда человек простой, случайно или намеренно, другого человечка загубил – он его прячет, и чаще всего, как вы и без меня прекрасно знаете – земле его предает. Схоронить так, чтобы ни одна душа живая не узнала – смотрите, как интересно, Сергей Дмитриевич: вроде бы и спрятал, и похоронил одновременно. Только вот какая оказия выходит – кто то содеет, да и ума лишится от страха, или там от ожидания кары какой то всемогущей, а кто-то ненависть лютую к покойничку продолжает иметь. Но учил нас Никола – если убить кого хочешь – без лютости душевной делай это, а к помершему тем более злобы не храни. Могилки почитай, в них Сила для нас и хранителям нашим отрада будет. А коли на тот свет спровадил, а схоронить возможности не имеешь – хранителям милость сделай, а милость эта у нас, Смертной Силы Магов, выражается, Сергей Дмитрич, в танце нашем особенном...

Расскажу я тебе баечку одну, а ты сам прикидывай, сказка это али быль. В двадцать втором году, когда я с Николой и Игнатием по Украине бродили, подошел к Михаилу Ивановичу Калинин у старичок один седенький, метр с кепкой, по имени Василий. И говорит ему: «Ты, Михайло Иваныч, меня послушай, потому как этот разговор тебе потом сгодится, жизнь тебе побережет. А сказать я тебе хочу вот что: скоро помрет Ленин ваш, Ульянов. Ты не дрыгайся, Михайло, а слухай спокойно. Так вот, схороните его особенно, как управителей многих древних хоронили, земле его не предавайте, а сладьте избу ему почетную – и Силу получите: кровавую силу, но великую. А для тебя говорю особенно, Михайло, потому что укроет тебя это от смерти случайной». Сказал это Василий Калинин, да и след его простыл. И Михаил Иванович видимо, не забыл об этой встрече. Ведь не спроста же, Сергей Дмитрич, политбюро еще осенью двадцать третьего обсуждало вопрос о будущем захоронении Ленина. А кто предложил Ульянова на особый манер захоронить? Да Михайло Иванович, кто же еще!.. Он первый эту мысль – НАШУ МЫСЛЬ – высказал, а Иосиф Виссарионович поддержал ее горячо. И заметь, Дмитрич, товарищи Троцкий, Каменев и Бухарин были против МЫСЛИ НАШЕЙ, считали, что Ленина нужно хоронить по русскому обряду, земле предать... Ну, а теперь кумекай дальше: кто долгожителем партийным сделался – Калинин или Бухарин, ась? *(следователь улыбается)*. Вижу, постигаешь ты меня, Сергей Дмитрич, и это ладно. Слухай еще историю...

В 1973 году один человечешко недалекий приноровил на себя бомбу самодельную, чтобы Ильича, значит, взорвать *(следователь кивает)*. Вышла, однако, оказия в замысле его... Человечешко-то сгинул, а телу Ильичову хоть бы хны. Ни повреждения, ни царапинки, чудеса – да и только. Вот так-то, ребяташки, в смерти Сила великая имеется, только знать о ней надобно – и не сладят с тобой ни умысел, ни случай...

Знаешь, Сергей Дмитриевич, как русский люд говорил раньше: «Покойника не поминайте лихом». Теперь говорят иначе: «Не поминайте лихом», по сути – о себе как о покойнике просят. И ничего худого в этом нет, смертный час не приближается. Уважь смерть чужую – защищенной будешь на свете этом, почитай Мертвых – Сила к тебе придет, могущество великое... Не отнимай у мертвого того, что положено ему никогда не мути мир иной, мертвый мир, кровью и жаждою зальют они землю нашу. Потеряли вы в Сталина веру – и выкинули его из пристанища его. Крадучись делали, суда живых людишек боялись – а надо б мертвых страшиться... Пуговицы золотые с кителя срезали, на простые блестящие поменяли – зачем, Сергей Дмитрич? Никола нам всегда говорил: «Положена с покойничком рубаха добрая – и пускай

навечно с ним останется, а положены злата и камня разные – тем паче с ним всегда должны быть».

Следователь: – Скажи, Андрей Николаевич, – вот могилами ты пугать горазд, жизни человека лишити можешь – знаю, верю, а вот другое мне интересно: польза есть от тебя и магии твоей людям другим, в сто крат тебя более духом слабых, силы магической не имеющих, а?

Стоменов: – Ишь, заговорил как... Никак вид на меня имеешь? Умыслы твои чую, только, Дмитрич, ты меня сейчас не искушай, так как не время еще. Никола нас как поучал – человека другого Человеком сделать, Силу ему дать, от хвори избавить не хитра наука, много мастеров найдется, а вот Силу его отнять, жизни лишити, своей жизни торжество предоставить – трудна наука сия, опасна, не каждый ее одолеет. Смогешь сгубить – сможешь и спасти, коли нужда такая будет. Со смертью сдружишься – жизнь посеять сможешь. По деревням проедь, Дмитрич, много старух ты найдешь, которые кровь заговорить смогут, чтобы течь перестала, да не найдешь таких, что слово шепнут – и кровью изойдешь ты. Вон видишь писаку нашего – он на головку слабоват будет, я лишь мизинцем пошевелю, а кровь отовсюду пойдет у него – чрез нос, глаз, ухо и рот... Не-е, ты, сынок, успокойся, не вздрагивай, это я для образности сказал, в смерти твоей нет мне проку. Но на головку слаб он, Сергей Дмитрич. Вот таков ответ тебе будет. И говорю я тебе правду истинную, потому как врать мне без надобности...

Вот какая интересная вещь получается: есть закон такой магический, который ведает, что многие или все предметы, находившиеся в контакте, продолжают взаимодействовать после разделения. Закон этот славу дурную имеет, так как пользуются им исключительно для того, чтобы человека портить или здоровья его лишити, а то и жизни. Почему – неведомо мне, Сергей Дмитриевич, посему как наша правда будет – если вещь с человеком соприкоснулась, то, вещь эту используя особенно, можно не только болезнь ему причинить, но и от хвори поправить; можно не только жизнь забрать, но и сохранять ее надежно, как оберег иногда сильный хранит. Никола нам глаза раскрывал на все на свете, слепы мы были, как котята народившиеся... Вишь, Сергей Дмитрич, я все еще на вопрос твой ответ даю. Утерять ты заколку свою галстучную – я, ее пользуя, силу имею кровь твою спортить необратимо, иль, напротив, печени твоей послабление дать серьезное. Это для нас баловство будет, дело нехитрое. А вот если слушаешь меня внимательно, интерес имеешь, расскажу я тебе о принадлежностях людских, в Смертной магии особенную Силу имеющих.

Если далек человек от тебя, в тысяче верст расположен, а тебе иль помочь ему надобно, иль жизнь его забрать – обратись к хранителям своим, чтобы сказали они тебе точную дату рождения человека этого. Если баба это мужняя, с фамилией чужой – узнать надобно, как по родителям она называлась. Еще хранитель сказать тебе может, как кликали человека этого, прозвище его или имя ласковое. Этого достаточно будет, чтобы Силу над ним возыметь на веки вечные. Ну а если близок человек – многое из потреба его годным будет:

перво-наперво волос его, состриженный или оброненный, ногти стриженные, зуб утерянный, кровь истекшую. Потом человек иль исходит – платочек ему дай свой оприходовать, а затем прибереги – власть ты над человеком этим обрел. У мужика еще, ясно дело, семя, а у бабы – выделения ее кровавые... А если кушаешь с человеком нужным – хлебушек, им кусанный, но не доеденный прибереги, или тот кус, которым поперхнулся он опрометчиво, – уже в этом кусе смерть его содержится.

Из вещей особо годны сродненные с ним предметы – может быть, это именные часы будут, или брошь фамильная, иль еще какие-то родословные

украшения. Попало тебе это в руки – и царем судьбы человека этого сделался.

Еще хороша фотокарточка или портрет художественный. Но самое средство сильное – земля могильная, где родня его похоронена. Обращаться с ней нужно осторожно, особенно если не ведаешь, для чего это надобно...

Все, Сергей Дмитрич, страшатся, когда покойничек снится, дурной приметой это считается, смерти предвестником... И правда, и неправда в этом сокрыта. Привиделся тебе мертвый во сне – благодать в этом, и худо с человеком сделаться может, если он прихода этого страшится, от прихода этого отбредивается. Многие поминать покойного начинают, блины да кутью готовить, да только не еда со стола вашего нужна ему, а духа вашего почитание и уважение. Тогда он от смерти скорой оберечь сможет, хранителем незримым стать, а по смерти вашей примет радушно.

Расскажу я тебе, Сергей Дмитрич, еще историю одну. Было дело это в июне 1941 года, а если точнее быть – то в ночь с 21 на 22 июня – один весьма научный букашка человеческий спустился во вскрытую гробницу Тимура, завоевателя великого, кровожаждущего, и череп Тимуровский в руки берет...

А что через несколько часов случилось – ты и сам, Сергей Дмитрич, знаешь без моего. Деда-то своего, почитай, потерял в Великую Отечественную, да? Ты можешь сказать – мол, случайно все это вышло – да только говорю: не случайно все это!

Следователь: – Складно кроешь, Андрей Николаевич...

Стоменов: – У кого жизнь складно идет, тот и говорит знаючи. Много я по свету погулял, видел разного, слышал дельного и бездельного, но еще больше знаю того, чем Никола с нами делился. Правда его была, много раз пришлось убедиться в этом. Бродишь по уезду – народ дикий, смурной, суеверный, верят во что ни попадя. У смоленских своими глазами видал, как кол осинового мужика в могилу колдуну своему помершему вбивали... Боялись колдунов этих – страсть как боялись, да только там предрассудки одни, а проку немного.

Вологодский колдун, помираячи, совет дает: если в поле умереть мне придется, то в избу не вносите, а коли в избе смерть придет – выносите не ногами вперед, а головой, а у первой реки остановитесь, навзничь в гробу переверните и пятки или жилы подколенные подрежьте. Скажи мне, Сергей Дмитрич, чего ж это за колдун такой, что знать не знает, где смерть принять придется, догадку строит, а?

Следователь: – А ты, никак, знаешь, Андрей Николаевич?

Стоменов: – А то как же! И смерть свою знаю, и время ее... Грош бы цена слову моему, если над другим потешаюсь, а сам таков же. Нас, Сергей Дмитрич, немного Магов Смертных на земле этой ходит, и каждый кончину свою доподлинно ведает. Кто сто сорок лет проживет, кому не боле сорока полагается, мне вот восемьдесят Николой заповедовано. Он известие имеет, кому когда правильным умирать будет, и никто еще из кривошеевских и никитовских не ослушался его. Не было такого! Не ослушались и те, кто на смену покойничкам нашенским пришли...

Следователь: – А что, ослушаться можно?

Стоменов: – Да вроде бы и не понукает никто, только никому это на ум не пришло. И говорю я это не потому, что мысли в нас такие бродят, а лишь потому, что много с людьми судьбы обычной, непримечательной делов иметь пришлось. А вы другие, вас постоянно сомнения одолевают, вопросы разные, вроде: «А что, если...» да «Каков в этом смысл?» Моя душа прозрачна, Сергей Дмитрич, прозрачнее родниковой воды будет. Вот тут ваш дружок потешный голос свой надсаживал, что, дескать, кровью замутнена водица моя, да только не пойму я, о чем это он... Живу я светло, потому что

знать не знаю, для чего я живу и почему вот говорю тебе все это. Так уж у нас заведено – известно мне, что сподручник мой в Красноярских краях исполняет, но не ведомо, для чего я здесь и какова польза от этого.

Следователь: – Значит, Никола ваш всеми вами управляет?

Стоменов: – Никола свое деет, он к царству мертвых ближе всего будет. А нас Хранители направляют, совет дают, о спокойствии и безмятежности нашей исправно пекутся. До знакомства с вами, мужи государственные, Андрюша – висельник был ко мне других ближе, а теперь – Андрей, от тифа сгинувший, со мной денно и ночью рядом. Ты, Сергей Дмитрич, чую я, предположение имеешь, что Никола вообще смерти не имеет, так ошибаешься ты... Николе сейчас сто пять годков будет, и отпущено ему до конца века нынешнего прожить. Сказку, небось, читали: «Жили они долго и счастливо и умерли в один день...»

Все-таки умерли, Сергей Дмитрич, хотя и после того, как «долго и счастливо».

В 2001 году в Мир этот новый Никола придет. Звать его, конечно, по-другому будут, год, который назвал я, не день рождения его означает, а день Прихода к нему людей, в силу его уверовавших...

Кристо Ракшиев (дневники):

В 1919 году деревня Кривошеевка опустела. В день ухода в деревне, по словам Кривошеева, находилось пятьдесят четыре человека, ушло же сорок девять. Пятеро были детьми от трех до одиннадцати лет, их всех тихо передушили и тщательно, с любовью, захоронили на кривошеевском кладбище. Ни слез, ни причитаний не было, психоз полыхал вовсю. Я не знаю, как назвать ЭТО по-иному... Тридцать два мужика и семнадцать баб разбрелись по миру в только им известных направлениях. Нет, кое-что мне теперь известно. Сам Кривошеев, в конце концов, приновился в Софии. Никола – хм, недурно устроился, в Филадельфии. Кто-то, я так понимаю, сейчас в Союзе, в Красноярском крае... Марфа умерла в 1939 году в Югославии, Ерофей, отец Николы, умер в 1969 году в Казани. Народился уже давно их новый дьявол, тоже где-то в Советах.

Я полез в литературу искать день его рождения: Кривошеев сказал, что народился он хоть и в год другой, но дни схожие со смертью Гришки Распутина. На Гришке, по его словам, печать смерти за два дня организовалась, вот и Никола новый родится, с печатью этой соотнесенный. Григорий Распутин, фаворит царский, был убит в Юсуповском дворце в ночь с шестнадцатого на семнадцатое декабря, то есть, если я правильно понял разглагольствования Кривошеева, дьяволице их родиться должен или четырнадцатого, или пятнадцатого декабря.

Черт, черт подери, чем я занимаюсь?! С чего он взял, что у меня с головой что то? Врачи говорят – сердце береги – болит, зараза... Надо меньше курить, меньше курить... Поголодать, что ли? Ишь, не ест по три дня, а не скажешь: розовощекий, глаза блестят, зубы... как ему удалось сохранить такие зубы?

Пишу про магию дальше...

Голодать, с бабой не спать, молчать – мало! Главное, чтобы та сила, которая в тебе рождается, толкает на усилия нечеловеческие, чтобы жажду свою притупить, успокоить – эта Сила должна быть подчинена, но не утихомирена, а напротив, усилена еще больше и направлена вовне. Если эта Сила в тебе обуздана – дерево с корнем из земли вывернуть сможешь, за версту от тебя стоящее, одним только взором пристальным. Поверить я в это не могу, но Кривошеев утверждает, что это так. Странно, но ему никто из следователей не предлагает проделать какой-либо фокус из тех, о которых он рассказывает. Хотя... Про печень полковнику помянул – случайно, или знает что-то? Знает,

что у меня детей нет. Непрост дед, ой, непрост. Говорит чудно – то как академик вещает, а то говором каким-то чудным ... Я справился у Фрейда относительно воздержания, он говорит, что это обычное дело, сублимация, ну и прочая ахинея. Фрейд – он и есть Фрейд.

Голод ослабляет человека. По Кривошееву же – силу дает, если правильный подход иметь. А в чем подход этот заключается, мне не понять. Почему, например, нельзя голодать, если до этого другой голод не познал – вожделение сексуальное? Почему? Почему сначала раззадорить человека нужно, чтобы потом предмет желания у него отнять? Почему ругаться нельзя? Фрейд говорил, что ругаться полезно, нервное напряжение снимает... Кривошеев говорит иное. Почему, почему, почему? Ну, молчу я, положим, сорок дней и даже больше – и что, магом заделаюсь? Немые, выходит, самые невозможные маги будут! Так ведь получается?

А ведь про Тимура я думал, что наврал Кривошеев. Полез в литературу – а это правда, правдивей не бывает. «Букашкой» этой, как его Кривошеев назвал, был известный антрополог и археолог Герасимов...

Допрос, день четырнадцатый...

Стоменов: – Так уж выходит, что на каждое явление бывает оппозиция его. День и ночь, черное и белое, добро и зло, бог и дьявол. Величайшая антитеза – это жизнь и смерть: хоть человеческая, хоть любая другая. Смотрите, Сергей Дмитрич: определенные богохульственные ритуалы, положим – чтение молитвы задом наперед или, например, ассоциирование креста Иисусова к органам детородным – цель у них простая выходит: почитателей бога бессильными показать. Только делают они более, чем сами это понять могут: не показ бессилия божьего это, а истинное магическое обессиливание врага своего. От того все так богохульства страшатся – нет, не потому, что боженька накажет или проклянет на веки вечные, а лишь потому, что богохульничающий веру твою обессиливает и тебя самого. Никола сказывал нам: если хочешь Силу обрести великую, то пользуй то, что противоположность твоя. Потому и наблюдается из века в век: как человек яркий, жизнь любящий, живому поклоняющийся, так и помирает других много раньше. Или возьми, к примеру, добро ваше, что зло тысячелетиями искоренить пытается... Зло, если вашей меркой мерять, посильнее добра-то будет, но с добром никак не сладит. А почему? А потому что добро силою зла пользуется, рушит и мертвит ради блага ее и справедливости. Так вот: и те не ведают, что делают, и другие, а посему и прок невелик от деяний их. Но Смертной Силы Магия к мертвому обращается, чтобы жизнь свою упрочить, корнями разрастись. В противоположности твоей всегда Сила больше, чем в тебе, и эту Силу использовать умей... Уговоришься разумно, знаючи – чудеса сотворять сможешь, власть над миром земным обретешь великую.

Взор у меня и сейчас востр, а по молодости – еще вострее был. Никола-то меня и ослепил, чтобы силу я нашел, в противоположности прятанную. Бродил я, не зрячий, по лесу, как кутенок слепой, – слух обострился, нюх собачьим стал, а потом, Сергей Дмитрич, видеть я стал взором внутренним... Сначала – ночь от дня различать стал, опосля деревья и пни узрел, а уж потом букашечку каждую на земле разглядеть мог. Вот и получил, а как назовешь, тебе лучше знать: ясновидением, аль еще как – вижу я мир очами своими, но земли и моря иные, далекие, зреть могу тем взором, что в лесах мне открылся...

Если кревоугодничаешь ты – Силу в голоде великом найти сможешь. Пищи себя лишаешь умело, потребность свою преобразишь умеючи – и потом не только голод случайный, нежданый легко сдюжишь, но и пищу правильную различать станешь, крево насыщать с толком великим. Удержишь если, и не

крикнет естество твое криком громким, когда страх в нутро твое закрадется неведомый, – кликнуть духом своим сможешь, да так, что на земле иной, далекой, услышать можно будет. А если жить хочешь надежно, неопасливо – мертвых бери в сообщники свои, хранителями своими сделай. Любая охрана земная столь же смертна, как и ты сам, только мертвый всеведущ, уберечь тебя сможет от всего, от чего никто не убережет...

Следователь: – Но, Андрей Николаевич, скажите, какая нужда мертвых о судьбах ваших печься заставляет?

Стоменов: – Каких слов ты ждешь от меня? Так уж в мире устроено. Жить хочешь ладно, уверенно – к мертвому ближе будь, а помереть хочешь скоро – жизнелюбствуй и траве мураве хвальбу сочини. Те, кто смерти страшится, о жизни вечной думу думает, первые жизни лишаются, и не потому, что они страхом обуяны, а лишь потому, что силу в слабости найти тщатся и мир иной не почитают, уважения к нему не имеют. Но заметь, Сергей Дмитрич, равнодушных к смерти хранители тоже в почет не берут. Уважение к миру смертному, мертвых почитание – вот что надобно, чтобы жизнь долгую и надежную иметь.

Следователь: – Значит, чтобы жить хорошо, нужно мертвым поклоняться?

Стоменов: – Ты, Сергей Дмитрич, говори, да не заговаривайся. Если ты, как в церквях, челом бить станешь, крест носить, гроб лобызать, псалмы читать – проку то от поклонов твоих? Уважай смерть духом и сердцем своим, хорони покойничков добротой, лютости не имей к царству мертвому – вот и все, что от тебя надобно. Могешь умершего схоронить богато – хорони, средств не жалея, не можешь – бедно могилку справь, но с большим почтением. Будь мудр, когда дело это делаешь: в гроб вещи, покойным любимые, положи обязательно, непременно, но упаси тебя вещицы свои класть или другие чьи-то... Случай один расскажу тебе, Дмитрич: в Брянском уезде Орловской губернии на похоронах колдуна одного, положила его дочь в могилу свежей сжатой ржи. И сейчас же после этого гром грянул, туча нашла грозовая с градом, и выбило все полевые посева. С тех пор каждый год, в день похорон колдуна этого, в течение трех лет подряд град грозовой побивал хлеб в одной этой деревне – и ни в чьей больше. И только тогда, когда мужики разрыли могилу эту да сноп гнилой вынули – сгнуло наваждение. Посему правда такая есть – подложи в гроб покойничку вещь какую-либо, человеку принадлежащую, которого погубить тебе надобно, – и приберет скоро к себе этот покойничек. Только люди, это деящие, не ведают, что дело такое можно делать, если поддержку хранителей имеешь, ну а если нет – рискованная затея сия, сам жизни лишиться можешь...

Вот такая наука наша, Сергей Дмитрич. Поэтому, когда ретивец из ваших меня во злах всяких учинял – смешно мне, право слово! Злобности во мне нету никакой, удел мой смирный, спокойный, а что жизни кого-то лишал – так нет в этом худа... Надобность имею – смерть сотворю, но надобности этой в нас совсем немного будет.

Следователь: – И как часто необходимость такая возникает?

Стоменов: – Надобность эта смертная не мной определяется, но хранителями, а с хранителями Никола речи ведет. Хранители совет дают, а мы прислушиваемся да исполняем. Ты, Сергей Дмитрич, не подумай, в убиении нет мне особого удовольствия. Отрада там есть, не спорю, но невыразительная, малая, потому как больше этого нельзя нам испытывать. Убивцы убийства ради, сладость его вкушающие, во множестве на земле этой ходят, только судьба у них незавидная будет. По природе устроено – волкам косулю порвать, голод насытить, не грех будет, но не убьет животное животину одного только убийства ради. А вот среди людей такое встретить можно, бывали такие, да и будут еще, тезки Щикатилины всякие (*Я смею предположить, что Кривошеев фактически предсказывает появление*

известного российского маньяка Чикатило, уж слишком большое искушение от созвучия фамилий. К тому же Кривошеев называет его тезкой, а Чикатило звали Андреем. Непонятно только одно – почему он говорит о Чикатило как бы во множественном числе. – Примечание автора). Много смутного земля наша носит. Иногда хранитель наказывает, чтобы человечешке какому-то оборот дать, иногда – от смерти случайной оберечь кого-то или хворь снять тяжелую. Дел много мы, Сергей Дмитрич, делаем, да только ведаем мало – для чего это дается. Знаю я, к примеру, пошто Михаил в Красноярских краях обитает – смуту ему сдержат велено, которая Ульянова Ленина схоронить обычно пытаются. Что, думаешь, вру я? Нет, Сергей Дмитрич, не обманываю я тебя, есть такая смута – и еще больше она будет в недалеком времени. Ленина вашего из дома его выкинуть захотят, схоронить обычно, но нельзя этого делать никак, так Андрюха - висельник мне сказывал. Беды тогда ждут Русь великие... Сдюжит Михаил, силу сдержит до конца века этого – ладно будет, а не удержит – худо будет, а как худо – мне не ведомо...

Шестнадцатый день допроса:

Стоменов: – Гришка Распутин был не из наших – но силен был, очень силен от природы. Нам его Никола поминал еще до революции. Жили мы чуждо ото всех, ни книг не видели, ни люд не приходил. Материны сказы да Николова наука – вот и все мои университеты будут. Читать да писать я много позже обучился, да и то не по нужде, а любопытства ради: чего это люди там все читают, читают – поди, интерес какой-то в этом особый. Почитал, почитал, тьфу!.. Ересь всякая, дитям на потеху. Бросил я чтения эти. Не по мне будет. Что хранители скажут – то и дело, а остальное – так, водица мутная, зеленелая.

Так вот, Никола про Григория-то нам рассказывал, да и говорит, что откровение ему было по Гришке особенное. Тут я тебе, Сергей Дмитрич, одну вещь сперва сказать должен: у люда простого смерти печать появляется примерно этак за неделю. Некоторые калякают, что, мол, за много лет смерть человечью предсказать можно, да только под силу это очень немногим, а чаще всего лгут людишки, так говоря. Человек из нашего, Кривошеевского, рода смерть распознать может лет этак за пять – десять, а человек, просто некоторую силу имеющий, знать о смерти чужой сможет дней за семь – десять, не более, потому как эта самая печать проявляется, и увидеть ее можно. Тут вроде ничего особенного нет, что про смерть человечью узнать можно загодя, многие про это толкуют, да только есть во всем этом знак важный, о котором знать надобно. Так вот, главное в предсмертье не то, когда сама смерть приходит, а тогда, когда эта печать самая проступает. Этот день выйдет особенным, если и человек какой-то особенный будет, в котором или сила, или пророчество какое-то... Как можно отличить человека, который Силу имеет, от всех остальных? А так, что печать эта смертная много позднее у него проступает, за день или за два до самой смерти... Это значит, что защищен человек серьезно Силою своей или какой иною, и трудно смерти к нему подобраться. У Гришки Распутина печать смертная за два дня до смерти проявилась, а узнал это Никола много раньше, потому как хранители его сказывали. Никола потом нам и вещает: «В год другой придет Тот, кто меня заменит, но день, когда народится Он, тем же случится, когда у Григория печать смертная явится»... Много лет прошло с тех пор, но правду Никола сказывал – народился тот, кто после Николы управителем наших будет...

Отчего наша Магия Смертная с судьбою распутинской переплелась – не ведомо мне, Сергей Дмитрич, а поэтому и не спрашивай. Все дается так, как Никола сказывает – и деяться будет на веки вечные.

Следователь: – И как зовут управителя вашего нового? Тоже Григорий?

Стоменов: – А вот имени его не знать мне... Я, Дмитрич, скрывать ничего не скрываю, говорю не таясь, что известно мне, а что не ведаю – того и сказать не могу, а узнать не стремлюсь.

Следователь: – Может, и судьбу мою можешь предсказать?

Стоменов: – Чего ж не сказать, коли знаю... Если про смерть беспокойство имеешь, то одно знаю доподлинно – в ближайшие десять лет тебе не помирать, а что дальше – мне неизвестно. Знаю другое – своя смерть тебя ждет – и никакая другая. Полковник ты сейчас – полковником и останешься, выше тебе не скакнуть, надежды не имей. Печень у тебя нездорова, ревматизм будет, ну а в остальном ничего будешь... В 1991 году работы своей лишишься враз, но без харчей не останешься, даже богатым сделаешься. Отец помрет твой в восемьдесят третьем от сердца, а мать твоя, кажись, даже тебя переживет... (*следователь барабанит пальцами по столу, на Кривошеева не смотрит*). Старость тебе будет легкая, нетрудная... Ну что, Дмитрич, хватит? (*следователь молчит*). Хватит, хватит, опосля еще чего-нибудь накаляю, если спросишь...

Кристо Ракшиев (дневники):

Или правду говорит Кривошеев, или... Суеверный я стал совсем. Аппетита нет никакого, но в столовой сидел с некоторой пользой. Вышло мне на этот раз за одним столом со следователем советским есть. Хороший, фактуристый такой полковник: рослый, крепко сбитый, жгучий брюнет без единого седого волоса, хотя ему близко к сорока по моей примерке. Ходит исключительно в штатском, всегда тщательно выбрит, всегда немного не в себе... ну, в смысле – глянешь на него, а он словно в облаках витает. Ест с аппетитом и как-то по-особому, по- аристократически, изысканно, неторопливо... Обычный человек – никакой субординации, ничего лишнего. Классический Сергей Дмитриевич...

– Разрешите вопрос, товарищ полковник?

Я работаю в госбезопасности много лет, целую жизнь... Правило номер один – не будь любопытным, не суй нос куда не следует... и куда следует сунуть, тоже не суй...

– Слушаю...

Тщательно разделяет рыбу. Нож тускло сверкает в его руке.

– Неужели это может быть правдой?

Он отложил нож с вилкой. Чертов аристократ! И этот отсутствующий взгляд...

– Знаете, я думаю, что некоторая правда там, безусловно, имеется. В любом случае, экземпляр прелюбопытнейший...

– Но он же убийца!

Полковник пожимает плечами.

– Вот видите, вы косвенно сами его слова подтверждаете... Те, по поводу пользования силой противоположного, помните? Убийцу, дескать, казнить, а если болен психически – то лечить, но так просто это оставить нельзя! Так мне вас понимать прикажете?

Я растерялся.

– Я искренне ценю ваши чувства, заметьте, они совершенно праведны. Лучших инструментов для более гуманного исправления столь вопиющего беззакония пока еще не придумано – жаль, очень жаль. Мы с вами работаем в интересах государства и, конечно, имеем все необходимые полномочия для того, чтобы для пользы дела оказывать любые формы давления на преступника. Как вам и без моего известно, подобная тактика оправдывает себя далеко не всегда... В данном конкретном случае есть мнение, что с подследственным необходимо

избрать тактику предельно корректного, лояльного обращения. И это даст свои плоды, поверьте мне...

Тема исчерпана. Я сдержанно поблагодарил и уткнулся в свою тарелку, понимая, что после такой менторской речи ловить уже нечего. Полковник не то что бы опасается говорить на эту тему, нет, он просто не считает это нужным – и я это понял...

Итак, еще твоя правда будет, Кривошеев! Ты чувствуешь себя в безопасности – и имеешь все для этого основания. Есть, видите ли, мнение – вести допросы предельно корректно. Приносить ему его чертову землю из горшка цветочного, морозить для него воду, кормить, исходя из его пожеланий. Выслушивать эти монологи про могилы и кладбища, про покойников, про магические ритуалы...

То ли рациональная, то ли иррациональная часть моего «Я» толкает меня записывать все это... Я пишу все – слово в слово, иногда вставляя жесты и эмоции – то, чего нет в стенограммах допросов... Тьфу, черт! Какие это допросы!? Светская беседа! Я пропустил тридцатое июля, пятый день допроса, пропустил допрос от шестого августа... Теперь тринадцатого...

Тринадцатый день допроса, 7 августа, понедельник...

Следователь: – А почему именно тринадцать, Андрей Николаевич? Не семнадцать, не тридцать, не все пятьдесят, в конце концов? Отчего так?

Стоменов (поведя плечами): – Так Никола определил. Чтобы род наш крепок был веками, продолжение свое имел верное – надобно, чтоб не менее тринадцати Магов Смертных было, такую же Силу имеющих, что и Никола имеет. Тринадцать необязательное число будет, потому как может быть и больше. Но меньше никак нельзя!

Следователь: – Тринадцать вместе с Николой считается?

Стоменов: – Ну чего как дите малое, Сергей Дмитрич... Конечно с Николой, а как иначе? Все мы одной Силы будем, только вся и разница, что порождение магическое он нам дал. Так вот, слухай далее... Это я для словца красного сказал, что надобно тринадцать камней краеугольных пренебрежительно. Так статья может, что и меньше нас будет. Но тогда не будет у нас уверенности твердой, что жизнь нашу земную в полной сохранности обеспечим. Может статья – и ничего все будет, но непреклонности нет...

Следователь: – Не очень я тебя понимаю...

Стоменов: – Чего тут неявного? Вообрази, к примеру, что мы тучи грозные в нужных местах отводим, разразиться им не даем. Когда нас тринадцать или более, то тучи эти мы пренебрежительно все отведем, но когда нас меньше – можем и не сдюжить, не поспеть везде. Тогда, если вдруг несметные грозы нахлынут, то и сгнать могут многие из нашего рода. Ну а если мало гроз выйдет, то и все обойдется... Кумекаешь?

Следователь: – Стараюсь изо всех сил. А Хранители ваши как же?

Стоменов: – Ой, Сергей Дмитрич, не докучай старика! Хранители нам подсобляют, каждому в отдельности – от всякой случайности берегут. Чаще всего незримы деяния ихние, живешь ты спокойно и безмятежно, потому как многие беды они отводят. Но и приходят к тебе нередко, ответы дают, назидание делают или предупреждения разные. Хранитель – он как оберег будет, он к роду твоему отношение имеет мельчайшее или не имеет его вовсе, а только о сохранении тебя печется. Мы же – небо порождаем ясное для всех из рода Кривошеевского и Никитовского. Оттого – как семя наше по миру хождение имеет великое, так и нам надобно по миру быть разбросанными на больших друг от друга отдалениях. Уразумел теперь, для чего уход мы из деревни своей сделали и по землям разным находимся?

Следователь: – Кажется, да... Только чего ты мне такие бравады пел, что каждый сам по себе и только на себя надежду имеет? Обратное ведь сейчас говоришь, Андрей Николаевич!

Стоменов: – Это пока в Силе наш род – вот и кажется, что перегиб я делаю. Но случись, как я сказывал, что меньше тринадцати нас станет, что Силы общей нашей недостаточно будет – тогда и уразумеешь, что правду ведаю. Тогда в моменты опасные может любой из нас с враждебностью не сладить, но не будет у такого помощи от рода Кривошеевского. А роду нашенскому быть или в Силе, или не быть вовсе.

Ты не подумай, Сергей Дмитрич, что к роду нашему я всем причисление делаю, кто произошел от семени Кривошеевского, аль из чрева породился Никитовского. И далеко не любое семя третьекоренное к роду нашему принадлежность будет иметь, а лишь то, которое путь в жизни этой прошло намеренный, магический. До тех пор, пока статься это может, хранители, намеренно нами приставленные, подле него будут, но как истек срок – и покинут они его, оборвется ниточка родовая. Дальше его судьба уже не интересуется никого из рода нашего. И с бабами Никитовскими примерная наука выходит – там в порождении только баба и должна быть, чтоб к роду иметь причисление. Коли родился у Никитовской парень, а девки нет, вот и прервалось родовое продолжение. Но девка Никитовская, если народится, уже в следующем колене род продолжить может...

Следователь: – Погоди, Андрей Николаевич, погоди! В третьем колене – это, выходит, у тебя сын родился, у сына сын и если у следующего тоже сын будет – именно он род продолжает, так? (*Стоменов кивает*) Если женщина родила дочь, то дочь этой дочери станет роду принадлежать, верно?

Стоменов: – Нет, Сергей Дмитрич, никакой уверенности, что сын с третьего колена или дочь со второго частью рода Кривошеевского станут. Чаще – и не становятся как раз. Но если Путь свой проходят – тогда все верно... Уразумел теперь, отчего деток наших по миру этому во множестве ходит, а в роду самом никак не больше пятидесяти будет всего? Уразумел, вижу. Теперь на другое ответ тебе дам, что узнать хочешь (*следователь шутливо грозит Стоменову пальцем*). Да, может статься, что в первом уже, или во втором колене, хворый человек окажется или немощный, но плод породить сможет. Никак семени, которое семя породит нужное, мы не способствуем, за их судьбою не приглядываем, Хранителей нету рядом с ними. Кого больной породит – как не другого больного, так ведь думаешь? Только не выходит так, как ты полагаешь. Здоровья семя Кривошеевского любому, из него возвращенному, лет на сорок хватит, никак не меньше. Спорить с тобой не буду, не всегда семя колена третьего здоровье великое имеет, да только одно известно доподлинно, что кто Путь проходит магический, тот и здоровье надобное обретает вскорости, и тогда только семени своему ход дает дальнейший. Вот так будет, Сергей Дмитрич, предполагать всякое можно, да только делается многое, чтоб не было предположений всяких в жизненности нашей... (*помолчав немного*) Со стороны послушаешь, небось, дак лучше и не жить вовсе, чем такую науку сложную постигать... (*улыбается*) Нет, Дмитрич, светло мне живется, безоблачно, сладостно. Ты вот меня понять силишься, но мне тебя понять много труднее будет, коли заговоришь о своем... Только не заговоришь ты, знаю и не прошу поэтому. Оно и ладно, потому как не стал бы я тебя слушать, Сергей Дмитрич.

Да, не стал бы...

(*Через некоторую паузу*) Еще вот чего тебе поведаю... Попомни вещь одну очень сурьезно, так как многое она в тебе развернуть сможет, если усвоишь. Ты, Сергей Дмитрич, нужду ко словам моим имеешь некоторую, а я, глядишь, да и скажу многое, чтобы тебе удовлетворение дать. Тогда ты меня бойся, как

и всякого другого страшишь, кто с подмогой к тебе приходит. Когда человек случайный или намеренный тебе помощь делает, он потом всю жизнь свою в ожиданиях, что ты ему в ножки ежеминутно поклоны отвешивать зачнешь. Людишки – они о добре говорят только, но добра истинного не много деют, больше наград разных от него жаждут. Говорится в книгах – дескать, стучи и откроется, но говорю я тебе: не стучи вовсе, или колотись только по нужде смертной. Но еще более – за стол не садись, если дверь эту тебе открыли и приглашают, потому как не выйдет тебе на пользу это... Кровью истекаешь если, то к тому стремись, кто залечит рану твою, а поутру и не вспомнит, что ушел ты, не благодарствуя и не прощаясь. Вот добро истинное, если тебе угодно представленье о нем заиметь. А коли нет человека такого, лучшим смерть принять будет, чем у жалосливых и благодарностей ожидающих лекариться...

Следователь: – Сурово говоришь, Андрей Николаевич! Даже если и прав ты – не бывать по-твоему. Мир такой, какой он есть, его не переделать...

Стоменов: – А мир переделывать и надобности нет, он всегда справедливый выходит. Вот говор идет иногда, что в тюрьмах закон волчий держится. Мне довелось однажды с вором разговор вести, так они как говорят? Не жалеи, не бойся, не проси... И слова эти верными будут, как бы тебе обратного ни хотелось, но только это слова лишь, а по делу все иное выходит и люди те много хуже волков выходят. Но Маг Смертный жалости не знает, потому как Силу имеет... Он Смертную науку ведает, посему и страха не терпит... И не просит, потому как Силы его лишает деяние сие...

Кристо Ракшиев (дневники)...

...Сон неожиданно взорвался в моей голове ослепительной вспышкой. Потный, мокрый, я лежал в своей постели, и мысли мои были светлы, как никогда раньше. Ночной прохладный сквозняк торопливо пробирался сквозь раскрытое окно, блики ползли по стене и умирали в углу комнаты. Я прикидывал так и этак, но из ЕГО слов мой мир рассыпался снежною пылью. Он был непрочен, этот ЕГО мир... И вдруг все сложилось в моей голове. Я лежал и наслаждался этим. Я наслаждался ощущением собственного ничтожества. Я восторгался красотой и великолепием его мира, который не существовал для меня... Я парил над землей, переживая сумасшедший восторг озарения. Его мир не существовал для меня... Его мир не существует для многих... Ни для тебя, и ни для тебя, и ни для тебя – суки вы, суки, сукины вы дети! Не для вас, понимаете!

Он говорит для всех, но не для каждого... Посмотри на себя, Сергей Дмитрич! Может, для тебя? Может, вместишь? Фрейд, Фрейд, а ну-ка ты? Уразумел? Я смеюсь в лицо своей убогости, я хохочу над вами всеми – размазывающими свои сопли на паперти церквей...

Ты Маг, Кривошеев, и тебе не поклонюсь я... Но тому поклонюсь до земли, чье сердце дрогнет и забьется в Силе небывалой! Ведь есть такой! Есть такие! Кто путь пройти дерзнет, им поведанный, – поклонюсь я поклоном великим...

Шестнадцатый день допроса, четверг...

Стоменов: – В 1941 году, когда война началась, попал один военный немцам в лапы со всем своим отрядом. Угодили они под бомбежку лютую, ну а опосля, кто в живых остался, всех в плен взяли. И пошли они по лагерям немецким странствовать: Майданек, Освенцим, Бухенвальд... Человечишко этот, которого Степаном кликали, до самого конца войны по лагерям этим скитался, но выжил, в трубу не попал, от голоду не помер, пулю свою не нашел. В сорок

пятом, весной, сгребли многих – и его в том числе – да и повели колоннами на баржу старую. План у немцев таков был: загнать их всем скопом на судно это, трюмы задраить, вывести баржу по реке да там их всех и потопить разом... Немец уже другой тогда был, поверженный, равнодушный ко многому. Вот Степан и еще трое товарищей его этим-то и воспользовались. Шмыгнули они в яму бомбовую, когда колонна шла, и затаились – а никто и внимания на это не обратил. Свезло, значит. Ну они и бежать... В деревню какую-то забрели – а там нет никого, ни немца, ни жителя, совсем недавно ушли, еще пища на столах теплая. Ну, сотоварищи Степановы на еду и набросились с голодухи-то лагерной, а Степан чуть поел и говорит – мол, будя, ребята, а то помереть можно от сытости неожиданной, желудок не сдюжит. Ребятки-то его не послушались и кушаньев вволю наели, да только прав Степан оказался – померли они все уже к ночи. Схоронил их Степан, сил своих малых не пожалел, а тут и войско советское подросло: хватить Степана – и в тыл с курьером, разбираться, значит, как он измудрился, вражина, в лагерях-то фашистских оказаться. НКВД его быстро в оборот взяло – содрали одежду, да и спрашивают: «А где у тебя, родимый, наколочка лагерная будет, а? В очередь на крематорий стоял? Стоял. А наколки номерной не имеешь, хотя у всех других имеется она. Как это понимать прикажешь?» Степан говорит: – «Хоть режьте меня, хоть стреляйте без суда и следствий, да только правду я говорю. Полк у меня такой то, часть такая-то, проверьте». Проверили – есть такое дела. Ну, ему отточку в документ – и на фронт, шофером, мол, повоюй пока, а живым останешься – мы с тобой еще потолкуем. Сел Степан за баранку, да так до Берлина ее и крутил исправно. Поправился немного на кашах-то фронтовых. Пострелял даже малость, когда в засаду немецкую угодил. Из рук чьих-то мертвых автомат взял, да и отстреливался, четырех немцев положил. Автомат потом сдать пришлось, потому как не положено ему было. А как только война закончилась – его НКВД хватить, и по-новому допрос ведет: как, почему, кто в живых еще остался, кто помер из людей, ему известных, не завербован ли, ну и всякое такое еще... А еще спрашивают: а не приходилось ли ему делов иметь с неким Кривошеевым, который в лагере, ему известном доподлинно, надзор вел в учреждении особом, которое измывательствами всякими занималось над людом лагерным... А-а, наострил уши, Сергей Дмитрич, я вижу? Тогда дальше слухай.

Учреждение это славы особой не имело, потому как материалом людским пользовалось весьма скупой и в живых никого не оставляло. Дела их были для науки какой-то деянные: то человечка в ледяной воде держат, пока не помрет, то оперируют без всякого послабления, то ядами особыми травят. Выходило так, что Степан единственный свидетель был, который Кривошеева узнать мог, потому как жив остался и умертвлен не был, как все другие, в тех стенах побывавшие. А случилось ему Кривошеева этого при таких обстоятельствах видеть: когда под бомбежку Степан попал, засел ему под лопаткой осколок бомбовый. Да так неудачно, что наружу торчал, болел страшно, гнил...

Приводят его в начале сорок второго к доктору – а доктор и есть этот самый Кривошеев. Повалил он Степана на табурет, да и в ухо ему шепчет: «Ты, милочка, к боли-то приготовься, потому как инструмент у меня столярный будет, им я железку из тебя и выковырну, а наркозов вам, смертничкам, не положено будет.

Молись хошь богу, а хошь – черту, чтоб кровь потом остановилась»... Уперся в спину Степанову сапогом своим, да клещами осколок-то и вытянул – да так старался, что Степа сознание потерял. Очнулся он уже в бараке своем – выжил, в общем. Яма осколочная в теле его на всю жизнь осталась, отметина, клеймо Кривошеевское. Вот так он и познакомился с ним один единственный раз. За что НКВД ему вольную и дало. «Если, – говорят, – изловим когда

Кривошеева, то тебя найдем, чтоб засвидетельствовал, а пока катись в деревню свою и ртом лишнее не мели, а то языка лишим».

Кривошеев этот, про которого говорю я, – семя Николово будет. Семени нашего много по миру ходит, а надобность в этом лишь в том, что через два поколения семя это плод нужный дает, а в двух предыдущих – проку для нас никакого не будет. Почему я про Степана тебе калякаю – поймешь скоро. Степан вернулся в свою деревню, к жене своей, детки родились у него. Через некоторое время рядом с деревней ихней реку вспять повернуть вздумались, вот и погубили окрестности многие – и деревню эту в том числе. Перебрался Степан и семья его в город большой, а какой именно – не ведаю я, и там зажили потихоньку. Детки подросли, сами семьями обзаводиться начали. Только оказия там вышла, мне известная. Вышла замуж дочка Степанова младшая за человечка семени этого, Кривошеевского. Сам Кривошеев, надзиратель лагерный, под видом фронтовика по Руси скитался, да семя свое разбросать успел. Трое деток у него значилось, да только две дочки померли обе, а сын-то его остался – и уж так вышло – судьбою со Степановой дочерью сошелся. Вот то семя и есть плод Николовый, а потому как случилась такая оказия и так судьбы переплелись страшным совпадением – посему быть сынку этому, рода Кривошеевского, много большую силу иметь, чем Никола имеет. Так мне хранители мои сказывали, а я лишь слово в слово тебе, Сергей Дмитрич, пересказываю. И то, что печать смерти Гришки Распутина проявил он в рождении своем, – тоже правда, силу его являющая великую. Не имеет он пока еще силы этой, мал будет, лишь от смерти случайной охраняется надежно... Но к концу века нынешнего явится Сила его, и станет он Управителем Смертной Силы Магии – и только тогда Никола смерть свою примет...

А Кривошеев тот, надзиратель лагерный, про которого я сказывал, погиб в семидесятом году, в Нижнем Тагиле обитаючи. Изрубили топорами его собутыльники за слова какие-то неосторожные, и схоронили торопливо в ямах свальных, где мусор жгут городской...

Следователь: – А Степан этот что? Где он?

Стоменов: – Да живет себе как-то, а как именно, мне не ведомо. Знаю я, что умрет он от болезни страшной, долгой, мучительной – а скрутит его от чего? От того, что правды отведает, что дочь его с сыном вражины лагерной судьбу свою сочла. Правда та нутро ему и выест... Умрет он с досадой лютой на сердце, так никому ничего не сказавши. Ты это, Сергей Дмитрич, сможешь понять – слово НКВД большую силу над судьбами людскими имеет...

Следователь: – Значит, Андрей Николаевич, нового Христа ты нам предвещаешь?..

Стоменов: – Остынь, Дмитрич, о каком Христе речи ведешь? Я об Управителе нашем говорю, но только Никола для людишек других – человек обычный, неприметный, Сила его людям неведома, а о новом Управителе люди известие будут иметь, к Силе его приобщиться смогут, знание Магии Смертной обрести. Христиане твои о жизни загробной пекутся, да о милосердиях разных к себе и близким от бога всемогущего, а нас жизнь загробная хранит и оберегает при жизни земной, а помереть час придет – примет она нас, как и любого другого умершего...

Следователь: – А про загробную жизнь поведать можете, Андрей Николаевич?

Стоменов: – Почему не поведать, коли знаю? Когда я, Сергей Дмитрич, книги-то ради интереса почитывал, я про магии всякие старался чтонибудь добыть. Читаю – а там ну такую чепуху пишут, тошно становится. Пишут там, значит, как правильно души мертвых со света того зазывать. Какие-то заговоры, заклятья, то сядь по-особому, то питье пей специальное – ну, скажу я, горазды на выдумку-то! А чтоб с мертвой душой сообщиться – никакой науки особой не надо, они и так всегда с нами рядом ходят. Только кликни про себя – душа

какая-нибудь да заявится... Только людям все Наполеона дух подавай али Ульянова, чтоб узнать, значит, плохо ему в мавзолее-то ложится, или ничего. Душу конкретную простым кликом не кликнешь, ее искать надо, как я Хранителей своих искал намеренно, а вот случайная забредет легко, и поговорить с ней можно, пока не утомит тебя или ее. Либо родственники умершие быстро приходят – только подумай, и они тут как тут, а так как людишки этого ведать не ведают, то и бродит душа, значит, рядом, иль во сне приходит, где сомнений у нас нету. Детки много большего взрослых видят, потому как разум у них ясный, светлый, да только взрослыми он у них и отнимается. Калякает дите с домовым, иль с духом каким-нибудь, а папка с мамкой его тут как тут оказываются, говорят, что, мол, не придумывай да ерунды не говори, потому как нету никаких духов, душ, домовых и русалок, а все это выдумки и сказки.

Вот так деток разума их ясного лишают, слепыми делают, хоть и глаза открытыми остаются...

А душ мертвых великое число по земле этой ходит, только чтоб заговорить с ними – вновь научиться надо этому. Но это опосля я расскажу, а пока про вопрос твой поведаю...

Царство мертвых необозримо будет. Нет там границ никаких и нет места такого, куда душа бы смертная забрести не смогла. Вы вот звезды далекие рассмотреть тужитесь, а духу смертному на той звезде побывать, что тебе голову повернуть. Много слышал я от людей да из книг про чистилище, да про сковороды жаркие, про ад и рай небесный, да только не сказывали об этом ни Никола, ни хранители мои. Ад и рай, Сергей Дмитрич, в тебе самом заключаются в полной мере, и только от тебя одного зависит, что будет для тебя мир иной, который зовем мы царством небесным – адом или раем... Вижу, не понимаешь ты меня. Смотри, Дмитрич, Достоевского то читал поди, убил этот Раскольник (*Случайное или намеренное искажение фамилии героя романа Достоевского – Раскольников. – Примечание автора*) его старух – да и убил, что тут грешного то будет? Но выйди так, что опосля этого он смерть скорую принял – выходит ему маяться вечно в царстве ином, и ничто на свете муку его не утешит... Не потому, что убивец он, а лишь потому, что муку эту терпел.

Или вот возьми мужика обычного, к хмелю пристрастившегося, отрадой пьяной живущего – помрет он как то, и будет ему вновь мука вечная, потому как страсть имеет эту, а удовлетворить ее нет у него возможности никакой. (*Следователь кивает головой*). Закивал, закивал, аки лошадь – понял, значит. В тебе, Сергей Дмитрич, ад и рай весь содержатся в полной мере, и от тебя зависит, адом иль раем будет тебе царство мертвое.

Следователь (перебивая): – Пойдите-ка, Андрей Николаевич... Получается... Значит, если вы говорите, что Сила дается в противоположности, и на земле этой вы мертвое почтением окружаете и Силу у него берете, то...

Стоменов (перебивая): – Ай да Дмитрич, вот не ожидал, соображение имеешь, право слово. Верно, верно судишь – Сила в царстве загробном берется с места противоположного, то есть с миру нашего, земного. Поэтому покойнички бессчетно по миру этому ходят – чувствуют Силу, да только приобщиться к ней не могут. Это как людишки, что в дом Ленина толпами огромными прут, – чувствуют Силу, да только не ведают этого, а если бы и знали, то взять не смогли, потому как не умеют этого. Вот так, Дмитрич, получается, ходят первые округ вторых, а вторые округ первых, а пользу не имеют, потому как не знают... Только маги Силы Смертной приход имеют, когда захотят, и Силу берут, сколько наказано Управителем их...

Бывает так, Сергей Дмитрич, что грешил по меркам людским человек много, а как в царство мертвое попал – никакого наказания ему и нет там, и обитается

ему спокойно – а почему так? Потому, что совестью себя не терзал, страстями многими не маялся – вот и покой получил. Или полюбила баба мужика какого-нибудь, а мужик ее замечать не хочет. Баба помаялась, мысль дурную имеет – не жить, мол, без него – и в петлю. Да только бабе той и на свете том бессечно муку принимать, другого ей не дано будет. И не от того, что убила она саму себя, грешница и божья преступница, а от того лишь, что саму себя наказала она на веки вечные... А другие – жили долго и счастливо, да и умерли они в один день – так они, Дмитрич, и на свете том всегда рядышком будут, в любви, покое и согласии великом. Вот оно какое будет, царство небесное. Нет там судилища никакого, а суд всегда над собой сам чинишь – и никто боле...

Если плотское страдание имеет человек, тело его недруг терзает, пытку делает, или болезнь какая-то человека изматывает – освобождение будет человеку этому, когда умрет он, боль земная на земле и останется. Но если, в царство мертвых придя, душа лютой ненавистью мучителя ненавидит – страдание будет душе этой, потому как нет возможности у нее мечь свою осуществить. Даже и мучитель если умрет, послабления не будет – страдать этой душе вечность неотвратимо.

А посему выходит, Сергей Дмитрич, что рай если обречь хочешь на свете ином, то живи, как угодно душе твоей, только умереть сумеешь бесстрастно, страсть свою с собой не захвати. Как раньше бывало – старится мужик какой-то, так и от утех плотских отходит, горькую не пьет и интереса не имеет, зла ни на кого не держит, о богатствах и добре не печется – вот и умирает тихо, покойно, и в царстве небесном жизнь покойную имеет. А мрешь если у сундуков своих огромных, кручинишься о деньгах своих непотраченных – вот и прими на том свете муку бесконечную, тобой порожденную...

Вит Ценев...

– Как обычный среднестатистический гражданин, я весьма суеверный человек, и не очень мне хочется думать над тем, что ждет меня после смерти. Когда думаешь о таких вещах – постепенно накатывает страх, и больше об этом стараешься не думать. Говорят, в психологии есть специальная теория о том, что основные человеческие проблемы происходят от глубоко спрятанного страха смерти. В чем тонкости этой теории – я не знаю, да и не стремлюсь узнать. Без воодушевления я взялся писать эту книгу... Писать эту книгу... Мой читатель может спросить у меня – а в чем заслуга твоя будет, Вит? Разве это ты написал, о чем мы читаем? Нет, написано все это не тобой, а ты взял да и поставил имя свое на титульном листе. Отчего поставил – пренепонятно нам, уважаемый писатель, объясните нам, а мы будем премного благодарны.

Я отвечу тебе, наблюдательный мой читатель. Да, на титульном листе мое имя, и я считаюсь автором этой книги. Почему? Буду краток, так Кристо пожелал.

«Вот записи мои, вот я сам, рассказать много чего могу, но не осилить мне книгу эту, Вит, ей-богу, не осилить, поэтому пиши ты: помянешь меня – хорошо, не помянешь – обижаться не буду. Хоть так пиши, что сам допрос ведешь, от своего лица как будто, но только другого ничего не искажая – как по стенографии моей есть – так и следуй. Только последовательность я не соблюдал – то одно нахлынет, и я запишу, более позднее, а то, после этого, другое – много более ранний допрос. Путаница у меня и в голове, и в записях – тебе разбирать да укладывать все это»... Пользоваться советом Кристо я не стал, следователем не сделался и оставил все как есть, даже откровенную непоследовательность в днях допросов Кривошеева сохранил в первоначальном виде. Так было в его тетрадках под номерами «1», «2», ну и

так далее... Не зная, что делать с дневниками Ракшиева, я просто решил включать отрывки из них в контекст между стенограммами допросов... Читать его дневники было тяжело, я осмелился убрать большую часть ненормативной лексики и существенно подработал текст стилистически.

Писалось трудно, а выразить свое отношение к написанному оказалось еще труднее... Книг существует много, истины у всех разные. Я старался как мог понять ту странную философию, которую он неторопливо излагал со строк стенограмм допросов. Иногда мне казалось, что я понимаю, и даже больше – принимаю все то, о чем он стремился поведать, иногда – словно надламывалось что-то, и чувствовал я только одно-единственное – страх и отчаяние... Но шли дни, страх мой исчезал, и появлялись неведомые Силы...

...И я снова сажусь за печатную машинку...

Кристо Ракшиев (дневники):

Мне снятся мертвые... Снятся почти каждую ночь, приходит мать, приходит отец, говорят со мной о чем-то – долго и утомительно. Сплю плохо, лекарства не помогают, часто кружится голова, силы на исходе. Меня беспокоят слуховые галлюцинации – наверное, я схожу с ума, слышу какие-то голоса, звуки, шорохи, стуки... Немного помогает холодный душ. Пишу семнадцатый день допроса. Своих мыслей нет...

Семнадцатый день допросов, 11 августа 1978 года, пятница:

Стоменов: – Известно мне, Сергей Дмитрич, какого рода интерес ты ко мне имеешь, а посему спросить у тебя хочу: назови мне слов какихнибудь, которые хвори означают разные...

Следователь: – Болезни? Да сколько угодно! Свинка, желтуха, рак, изжога, диабет, инфаркт, эпилепсия...

Стоменов (перебивая): – Будет, будет, разошелся, смотри-ка ты! Ну а теперя слова мне скажи, что здоровье твое или другое чье-то означают, а?

Следователь (пожимая плечами): – Здоровье и будет, как еще назовешь? Болезней много, а здоровье одно будет... Кровь с молоком... Богатырское здоровье, сибирское здоровье...

Стоменов: – Гляди, как выходит, Дмитрич, – как про хворь заикнулся я, так из тебя слова в разные стороны полезли, а как про тело справное, доброе сказал, так запинка у тебя вышла и ничего путнего сказать ты не смог. Слов болезных много придумали вы, как пулями дурными словами этими постреливаете, а вот слов, про здоровье сказывающих, не имеете вовсе. Известно мне, положим, что у врачей ваших от сорока до шестидесяти тыщ слов имеется, о болезнях толкующих, но спроси их про здоровье – и они, Дмитрич, и двух десятков не наберут... Хошь верь мне, а хошь – не верь, но правда такая будет: если желаешь людям послабление от хворей дать великое, то так сделай, чтобы слов, здоровье подразумевающих, было у человека на уме не два или три, как у тебя, но тыщи две, а то и больше. А как сделать это – вашим мужам ученым задача будет. Попомни крепко: чем больше больных слов, тем хвори больше. Скоро и языковеды ваши до этого докумекают...

Смотри, Сергей Дмитрич, я тебе это враз в подробностях объяснение сделаю: положим, время от времени выходит с тобой некая оказия – у тебя разика два в месяц ощущение бывает, что по ногтям на твоих ногах бегают мурашки. Ну бегают и бегают, но ты к лекарю идешь и говоришь ему об этом. Лекарь лоб свой чешет, потому как в книгах вумных ничего об ентом не сказано – да и пишет работу ученую – открыл, дескать, хворь новую и назвал ее мурашкия.

Вот так, Сергей Дмитрич, болезням многим и ход дается. Зачесались у кого то пальцы на ногах, а ученые мужи ваши уже ведают: так у тебя, мил человек, мурашкия, болезнь такая, лечить надобно... Вот и вся наука будет *(следователь смеется)*...

Следователь: – Ну, уморил, Андрей Николаевич! Выходит, и рака нет, и инфаркта, а все выдумки одни и мрут люди из-за одних только выдумок исключительно, да? Так тебя понимать?

Стоменов: – Есть, есть – и рак есть, и мурашкия эта *(следователь смеется)*. Только раньше люд деревенский бздел, как хотел, а лекаря ваши и это в науке прописали *(следователь смеется)*, аль неправду говорю? Ерофей, положим, бздуном был особым, за версту слышать, а особенно нападало на него, когда крестился да поклоны отпуская Царю небесному *(следователь хохочет)*, так нешто кто из деревни нашей мнение имел, что болезнь это? Во как, чудак человек, заливаается, будто сказал я смешное... Ты поведай – дак и вместе посмеемся...

Следователь (отирая глаза): – Не обижайся, Андрей Николаевич, вещи ты правильные толкуешь, только смеха моего не понять тебе... Извини...

Стоменов: – Кривошеевские и до обращения в Силу Смертную особо не хворали, ну а опосля – и думать забыли, что это такое есть. Но строго-настрого наказ нам дан Николой – словам хворным ходу не давать. Речи такие не веди и про себя мысль не держи, а как сделать посему – учил он нас. Бегаает если лиса по лесу – и болезнев не ведает: что она, Дмитрич, здоровее человека будет, а? Да нет же, а только разница вся между лисом и человеком будет, что лис слов мудреных не говорит, питается вернее, да еще от правил нравственных мученичеств не принимает, а душит себе хорьков да других зверюшек на пропитание и живет себе беззаботно. Маг Кривошеевский по тем же законам живет: слов ядовитых он не ведает, страданием пустым не горюет, питание имеет разумное и жизнь у другого в угоду свою отнять может...

Следователь: – Я этой патетики, Андрей Николаевич, не понимаю. Живете то вы все, будучи людьми другими окруженные, в котором законы существуют и правила – и этим законам необходимо соответствовать... Если ты мне про лису толкуешь, то отчего сам, как лиса, в лесах не обитаешь? У тебя квартира была неплохая, пенсию ты получал регулярную – а если б нет, как питался бы, скажи? Откуда у тебя документы подлинные – говорить не хочешь... Скрываешь ты чего-то, Андрей Николаевич, юлишь – вот что я тебе скажу!

Стоменов: – Есть на земле этой людев сообщество – оно природе защиту делает. Сыщут они зверя какого нибудь редкого – да и в книги его записывают, в клетки садят специальные, охраняют то бишь всячески от полного его исчезновения... Да только не имеет это никакой надобности, потому как если лес да горы с реками этого зверя из своей книги, люду неведомой, уже вычеркнули – то и нужды по зверю этому у природы больше нету. Если, положим, людишки эти пожар лесной тушить берутся – то им от этого леса благодарность есть, а вот проку от спасеньев букашек редких нету, Дмитрич... *(следователь встает, подходит к Стоменову и отстегивает у него наручники. Стоменов блаженно потягивается и потирает запястья)*...

Кристо Ракшиев (рассказывает):

Когда полковник это сделал – я буквально на стуле подпрыгнул. Это было беспрецедентное, грубейшее нарушение инструкции допроса. В холле постоянно находились охранник и дежурный офицер, которые по команде следователя снимали с подследственного наручники, чтобы он попил воды, почесался, проводить его в туалет и тому подобное... При наручниках, пристегнутых к столу, свобода действия рук составляет не более десяти

сантиметров. На каждого из подследственных, помимо общей директивы, разрабатывались особые предписания. Иногда подследственному приходилось испражняться прямо в кабинете допросов – ему отстегивали только одну руку. Для одного буйного, снимать наручники с которого было категорически запрещено, пришлось еще делать специальную резиновую маску – он часто просил пить, а при попытке напоить его делал невероятные усилия, чтобы укусить любого... Кого-то, напротив, позволялось допрашивать вообще без наручников – но это встречалось исключительно редко. Все предписания составлялись врачебной коллегией и шли на подпись к начальству... Малейшая ошибка в требованиях к допрашиваемому означает преступную халатность и суд, поэтому предписания чаще всего были излишне категоричными. Так было спокойней... К Стоменову, согласно инструкции, нельзя было даже подходить в одиночку, а уж тем более снимать с него наручники. Подобные случаи иногда все же бывают – следователь по каким то причинам нарушал предписания безопасности по обращению с подследственными. Один такой случай вышел у Фрейда – он перестраховался, предъявляя жесткие требования по безопасности к подследственному, который, как он считал, «клопа не задавит», а следователь, который неофициально разделял это мнение о безопасности, отстегнул одну руку, чтобы напоить «тихоню» – и враз лишился левого глаза... Насмотрелся я, Вит, всякого насмотрелся!.. Я долго потом думал, что произошло в этот раз – внушение, телепатия, гипноз? Хер его разберет! Без всякой на то причины гэбэшник снял с Кривошеева наручники...

...*Стоменов*: – Ой, спасибоныки, Сергей Дмитрич, уважил старика, а то затекли ручонки то мои... (*следователь садится*). Вот это мой ответ будет на докучания ваши по поводу, где я документ взял...

Следователь (поднимая брови): – Прошу прощения, что? Я чего то...

Стоменов: – Я ж тебя, Дмитрич, отмыкать меня не просил!..

Следователь: – Секундочку!.. (*вскакивает*). Руки на стол! Вот, черт!..

Стоменов (спокойно): – Да не снуй почем зря, не снуй, Дмитрич... Вот, гляди, руки я ложу, а ты подходи, заковывай, коли не положено то... (*следователь в задумчивости замирает на секунду, держа палец на кнопке вызова, затем подходит к Стоменову и застегивает наручники. Стоменов улыбается*).

Следователь (садится): – Ладно, Андрей Николаевич, обсудим...

Кристо Ракшиев:

Он досадливо так на меня посмотрел тогда... Один единственный раз я видел этого советского полковника растерянным, выказавшим какие то скрытые, нежелательные для него эмоции – я видел это, и мне понятна была его досада. Быть может, прошли какие-то мгновения, прежде чем он окончательно взял себя в руки. После этого он снова был сдержан, предупредителен, вежлив, внимателен, иногда я слышал, как он смеется, – смех у него был глухой и раскатистый. Есть люди, которые умеют незаразительно смеяться, – он был из таких...

Стоменов: – Имеющий Силу может сделать так, что другой человек выполнит твоё желание только потому, что ты правильно его подумал... Не обижайся на меня, Дмитрич, я не со зла это сделал, а только чтоб ты не сомневался в том, что я ведаю. Чую я, как ум твой иногда взорваться готов – и соглашаешься ты со мной, и в ту же минуту не можешь согласиться со мной никаким образом... Ты человек сильный будешь, и я к тебе уважение имею. Я тебе ПОКАЗАЛ, чтоб не докучали мне вопросом назойливым, где я документ достать изготовился, –

и больше по поводу этому говорить охоты не имею. А на другие твои интересы по возможности ответ дам...

Семнадцатый день допроса:

Стоменов: – Когда сказывал я, что сорок деньков удерж молчанием имел, Борислав только глядел искоса, да и ничего больше. Я тебе, Сергей Дмитрич, вряд ли смогу в подробностях растолковать, как у меня этот крик безмолвный вышел. Но после того позвать мужика деревенского мог я завсегда, как бы далеко от него ни находился. Хошь – пять верст, хошь – сто... Тогда я еще в слабости был, Силы не имел серьезной – оттого и подсобление мог получить, если нужду имел. В Магии есть миг один, когда отрываешься ты от мира, тебя окружающего, навсегда. Во время наступления его и опосля уже не придет к тебе с подмогою никто, как бы ты не громогласничал. Рядом стоять будут – но даже пальцу шевеления не дадут, чтобы беду твою уладить сообща. Почему так делается? А для того это выходит, чтоб Маг будущный или Маг свершившийся на себя опор полный имел – и ни на кого более. Пока надеешься, помощи жаждешь – собственную Силу хоронишь, опереться на нее не можешь, воспользоваться ею по должному. А посему крик мой тогдашний первым и последним был за всю мою жизнь долгую... Хотя нет, было еще разик, когда незрячим один на один с лесом остался – заголосил, было, но и понял тогда окончательно, что не будет подмоги мне никакой...

Ты вот, Дмитрич, подробностей знать хочешь, а я слов для них не имею. Как мне тебе растолковать, что я мысль свою твоею сделать могу. Будто бы у тебя она родилась в головушке твоей, а ты ей и ход дал надобный. Вот вы меня куετε к столу этому пренебреженно, дак и куйте, раз вам спокойствие от этого выходит. Но это до тех пор лишь, пока Хранители мои шалостью железку эту считают. Она меня не томит, вреда мне не делает – ну и ладно. Не я – вы, Сергей Дмитрич, страхи терпите: вдруг кинется, учинит чего, руки на себя наложить вздумает, мало ли... Только вот руки изредка тяжелеют от однообразия сидения моего.

Теперь словом говорю – откуй ты меня, беды не будет никакой. Исполнишь?
Следователь (отрицательно качает головой): – Не могу, Андрей Николаевич...

Стоменов: – Боишься... Ладно, ладно, не внимай, это я так, несерьезно...

Пятнадцатый день допроса:

Стоменов: – Мужик деревенский спит не так уж много, но шибко спит – из пушки не разбудишь. Никола сказывал нам, что есть одна книга, в которой учитель просит учеников своих бодрствовать, но те все равно засыпают сном беспробудным (*скорее всего имеется в виду Новый Завет. – Вит Ценев*).

«Каждому, – говорит, – из вас муку бессонную принять придется, да только поиному все будет, чем в книге этой говорится»... Это со мной сделалось после того, как молчал я сорок дней и сорок ночей. Под вечер, в один из дней осенних, мне Никола велит – отправляйся в лес, а когда вернуться из него – сам узнаешь, откровение тебе будет. И побрел я, Сергей Дмитрич, в лес. А в лесу – тишь странная, ни души будет: птичьих голосов не слышно, зверь не прошмыгнет, только шорохи листвы опавшей да ветви деревьев волнуются. Со мной ни харча, ни ножа или рогатины, чтоб, значит, от зверя отбиться, если приключится что... Только темнеть начало, гляжу – волки, стая огромная, штук тридцать, не меньше будет. Взяли меня в круг и жмут потихоньку, пасти скалят голодные. Делать нечего будет, покарабкался я на дерево, ветку на высоте нашел покрепше да и примостился. Темень быстро пришла, лес собой

накрыла, словно одеялом. Волки под деревом стражу держат. Кликнул я деревенских наших голосом внутренним, да и помощи ждать собрался. И такая сонливость меня взяла после этого – спасу нет. Голод пропал, жажда пропала, холода не чувствую, зябнуть перестал, и одного только хочется – уснуть крепко. Но только веки опущу – волки внизу выть зачнут в ту же минуту. Если усну, думаю, вниз упасть могу, а там они меня вмиг раздерут. Глаза потру, покрепше в ветки вцеплюсь, со сном борьбу веду, да только не выходит у меня ничего... Смыкаются веки мои, шум в голове стоит великий, руки слабеют, тело не слушается... Волки внизу зашевелились, вокруг дерева забегали рычат страшно, жадно. Встрепенулся я, понял, что помощи не будет мне от Кривошеевских, а выходит только, что сдюжу если – ладно будет, а нет – сожрут меня звери...

А что дальше выходить стало – мне, Дмитрич, описать непросто будет. Прошел вдруг озноб мой, страх смертный исчез куда-то, сонливость пропала, и вокруг меня словно светлее стало. Вижу все отчетливо, как днем: волки в разные стороны бегут. Раз, – и не осталось их ни одного. С хвостом последнего, который в кустах мелькнул, первый луч света пробился рассветный... Всю ночь, выходит, я на дереве-то просидел, от волков хранился, да со сном неодолимым боролся. Ветвь громадная, сидел я на которой, вдруг проломилась подо мной, и на землю я упал – упал, да не ушибся, словно на перину лег. Встал я, оправился – и такую силу в себе почувствовал, Сергей Дмитрич, такую силу – это ж словами выразить никак невозможно... Такое чувство, будто землю всю нашу на плечо могу вскинуть да понести, будто дерево могучее из земли выдернуть смогу, если дуну на него легонько. Тут голос мне шепчет чей-то – иди, мол, в деревню.

Вот так я муку сонливую и выдержал...

Следователь: – Ну и как, выдернул хоть дерево одно с силою такой, а?

Стоменов: – А пошто драть, я и так Силу свою ведаю. Не понимай все так доподлинно, Сергей Дмитрич, я ведь образно говорю. Силу иметь, чтоб врага сокрушить, как говорил я уже, – не велико искусство. Сила истинная Магическая – обессилить мир окружающий для покоя твоего, да для дел тех, о которых хранители заповедывают. А чтобы Силу эту, если имеешь ее, не потерять, не растратить почем зря – надобно уметь эту Силу приумножать периодически. Если ты человек обычный будешь, но Силу обрести хочешь нечеловеческую, то удержи разный познать тебе надобно в мере необходимой, и если достойным будешь в этом – и Сила будет у тебя. Маг Смертный удержи нечасто делает, потому как управляться с ним умеет, а Силу его великую дает ему царству мертвому поклонение, Хранители его, да еще и царство мысли смертной.

А что есть такое это царство смертной мысли – растолкую я тебе сейчас... Если ты один, Сергей Дмитрич в комнате большой папироску свою смолишь, то в комнате ентый дым будет чуваться. Если много людей, окромя тебя, еще в этой комнате папиросками дымят, то, как говорят? Накурено, хоть топор вешай. Вот так и страх смерти у людей будет – если один человечешко боится, то в царстве ином чуется это, а коли весь люд земной страх великий испытывает, то и в царстве небесном дым огромный складывается. Дым этот – как электричество будет: он убить сможет, а может свет дать и силу большую. Вычитал я, Дмитрич, что слово есть научное для электричества этого небесного, сметным страхом насыщаемого – грегор называется, или как его там (*скорее всего Кривошеев имел в виду эгрегор – гипотетическое ментальное образование любых коллективных идей. – Вит Ценев*). Ничего на свете нет сильнее грегора этого: все переменчивым будет – идеи разные, мыслишки, веры, жизнь любая – только Смертная Сила вечная есть, не знающая ни моралей, ни истин, ни времени, ни законов ваших физических.

Мы, Кривошеевские, к грегору этому присоединены крепко, потому как питает он нас Силою и энергией.

Следователь: – Скажи, Андрей Николаевич, если есть ответ такой, вот какую вещь... Ты тут много о магии толкуешь, о силе вашей громадной, да о том, как ты, собственно, магом сделался – а вот обычный человек, тебя послушавший, назидания твои исполнивший – сможет ли он магом сделаться?

Стоменов: – Сможет, Сергей Дмитрич, люд некоторый к Магии Силы Смертной приобщение иметь, да только выйдет из этого толк немногочисленный. И дело даже не в том, что нет у люда этого Учителя, которому верить они будут беззаветно и беспрекословно, а в том, что больно уж сор велик в головах людских... На протяжении многих и многих лет своего становления человек учится все больше взаимодействовать с миром на основе общепринятых умозаключений, и все меньше – на основе непосредственного переживания этого мира. Для обыкновенного человечки окружающий мир имеет особенность постоянно не соответствовать представлению об этом мире – от того человечко этот так часто страдает и так часто разочаровывается... Маг Силы Смертной не ведает, что такое разочарование, потому как принимает мир таким, каким он себя предъясвляет. Много ли людей, Дмитрич, умеют принять деяния земные таким вот образом?

Ты можешь подумать, что если не разграничивать в мире добро и зло, то наступит великий хаос... Тогда скажи, отчего в природе зверь лесной деления не имеет на праведника и грешника – но не случается от этого никакой беды? Ты, Дмитрич, можешь и другое мыслить – что я путаницу имею: то калякаю о том, что Сила большая всегда в противоположности своей будет, а то, что нет этих самых противоположностей в природе земной. Да только не путаю я, потому как говорю о противоположностях как о категориях, а вы – как о качествах...

Следователь (перебивая): – Ну, Андрей Николаевич, удивляюсь я тебе! То говоришь ты, как обычный мужик деревенский, а иногда слушаешь – прям как ученый речи излагаешь!

Стоменов: – Научных мужей ваших не переспорить мне будет, словами мудреными не владею, да только и без нужды мне все это. Не мое время и не моя участь – людев Магии Смертной учить. Время придет – и войдет семя Николово в силу свою великую, тогда и Маг этот, тот, кто Николу сменит и управлять всем будет, – он знание дать сможет...

Кристо Ракшиев (дневниковые записи)...

Полковник Государственной безопасности Советского Союза Сергей Дмитриевич – это все, что я о нем знаю. Я не знаю, почему здесь именно он, а не кто-нибудь другой... Я не знаю, почему он без усталости ведет допрос день за днем, не зная отдыха, без выходных... Где те трое подполковников, которые приехали вместе с ним?... Облюбовали, наверное, пляж и нежатся под лучами солнца... Может быть, они главнее его, хоть и по званию ниже – и приехали сюда отдыхать, и только он, этот Сергей Дмитрич, здесь для того, чтобы узнать что-то важное у этого Кривошеева... Никакой, конечно, это не допрос – так, беседа двух друзей, дороги которых разошлись и снова сошлись через некоторое время... Только руки, намертво прикованные к столу у одного из «друзей», возвращают меня в реальность происходящего. Иногда мне кажется, что оба они, время от времени испытывают некоторую досаду от этой реальности. Полковник сбросит с себя эту маску, они обнимутся, забредут в какую-нибудь квартирку на окраине и начнут ненасытный торопливый треп – без всяких условностей – без протоколов, приказов, инструкций, наручников и прочих формальностей...

Кривошеев не устает говорить. Он может говорить по шестнадцать часов непрерывно: не вспоминая о еде, питье, туалете наконец, не выказывая никаких признаков усталости. Говорят, он спит не больше четырех часов в сутки. Он пьет или дистиллированную воду, которую сначала замораживают, а затем оттаивают – как он просил, или травяной горячий чай без сахара. Иногда просит мед к чаю, обязательно сотовый... Охрана болтливая, да и любопытных много.

Всем интересно – чем живет этот старый пердун, чем он дышит, чего делает. То, что происходит в его палате, знает половина персонала, и секрета в этом нет... То, что происходит на допросах, – знают человек шесть, не больше, включая самого Кривошеева...

Его кормят так, как он пожелает. Я приблизительно знаю его меню... Утром он выпивает чашку своего травяного чая и ничего не ест. Кушает он днем, хотя нет, скорее вечером, часов в пять или шесть, когда как... Одна неделя у него исключительно вегетарианская, в следующую он спокойно ест мясные блюда. Мясо или отварное, или едва поджаренное... Небольшой кусочек хлеба... Никакой сдобы, сладкого... Солью пользуется исключительно редко, не признает ни соусов, ни мясных приправ... Больше одного раза в день он не ест. Приблизительно раз в неделю не ест вовсе целые сутки, только пьет в небольших количествах чай или воду... Три дня не ел совсем – и никаких тягостных признаков в нем я так и не углядел. С ума можно сойти! Один раз попросил граммов пятьдесят красного вина... Горшочек с его проклятой землей ему принесли, чему он был вполне доволен... Черт!

Я потихоньку рассматриваю его иногда... Твердые, мужественные черты загорелого лица, ровные белые крупные зубы, мягкая седая борода, густые седые волосы – ни одной плешки и залысины, несколько крупноватый нос, влажные губы, подтянутое сильное тело без единой капельки лишнего... Он кажется мне рано поседевшим зрелым мужчиной, я бы не дал ему и сорока, если бы не эта абсолютная седина – она сбивает с толку, указывает на возраст. Или он рано поседел, и ему, конечно, совсем не восемьдесят. Ни одного лишнего движения, полное отсутствие нервозности и волнения... Никогда не потеет, не изменяется в лице, я ни разу так и не увидел, чтобы он побледнел или покраснел... В каждом его редком движении, несмотря на прикованные руки, – спокойствие и невероятная внутренняя сила...

Я смотрю на наручники, которые сковывают его руки. Мне кажется, что, если он захочет, он разорвет их легче, чем некий могучий силач рвет в руках колоду карт...

Четырнадцатый день допроса:

Стоменов: – Противоположность, Сергей Дмитрич, великое чудо есть, но только и есть в этом каверза одна неявная. Было дело у меня, лет пятнадцать назад я долго с одним человечком разговор имел... Понравился он мне как то, глянулся, ну я ему и поведал многое. Хранители не противились, человечек этот слушал меня на полном сурьезе с год, не менее. Да только оказия в этом вышла вот какая... Заноровился он, как и мы, Магом Смертным сделаться, и все указы мои исполнял в великой точности, да только и погубила его ретивость эта. Беды ваши многие, Дмитрич, от того выходят, что вещей неизмеримое количество понимать вы стремитесь с позиций – «черное иль белое» – и не иначе. Смотри, как выходит: если здоровье человек имеет крепкое, то силу большую он через хворь обретет. Есть и слово научное по поводу этому, не помню... Коли схворнул один раз, то потом уже и не заболит ни в жизнь...

Следователь: – Иммунитет!

Стоменов: – Ну пускай и мунитет твой, спорить не стану. Но коли шибко нездоров ты будешь, то где Силу-то искать будешь, ась?

Следователь: – В здоровье получается?

Стоменов: – А где ж еще? Сила всегда там, где тебя нет, то бишь в противоположности твоей. Она, Сила энта, всегда ускользает от тебя, Сергей Дмитрич, и это надобно всегда помнить. Когда книги я разные читать удумал – ну, право слово, смех один: чего то там поделай, да и магом огромным станешь... Так не бывает, и ты это крепко попомни: куда бы ты не встал – в том, что напротив тебя, всегда Сила большей будет, но как только ты противоположность пользоваться начал – тады то, чем ты был и где стоял, усиление поимеет. Оттого и выходит, что путь единственный и непримиримый всегда слаб есть. Тот человек, с которым я разговор имел, так этого и не уразумел. Силу он поимел, да только новым добрым Богом мнить себя стал, добро свое чинить настойчиво, да и вскорости злом уделался, если понятиями вашими изъяснение давать. Уделался – да так и остался, ну а исход здесь ясный имеется – погиб человечешко этот, так как дела ерепенился великие повертеть, а Силу свою порастерял вконец... Если, Сергей Дмитрич, казнь для людишек чинишь во блага великие государственные, то попомни – на казненных трех одного помиловать надобно пренепрременно, а опосля – всем следующим трем преступникам милость дать и отпущение. Вот так Сила может быть большая государственная. Я это тебе открыто глаголю, но смутно, догадкой, это и так действие имеет: возьми времена послереволюционные – то, значит, террор красный, людишек толпами огромными в царство небесное отсылают, а то крестьянству да люду разному послабление большое идет. Иль то людев заарестовывают в еще больших количествах, а то амнистии всякие объявляют враз – все от того будет, что догадка есть о законах этих Силы Великой, да только пользование имеет случайное, догадочное – а от того и выходит, что дело, плодным быть могущее, пустым выходит...

И вот еще что скажу, Сергей Дмитрич. Если ты в люду обычным просто более сильным стать хочешь, то пользуй средства, которые для целей твоих в оппозиции будут. Ну а если ты Силу великую занять желание имеешь – то свою оппозицией стань на какое-то время.

Слушай, Дмитрич, баечку одну – она еще не совершилась, но совершится через некоторое время. Я тебе ее поведаю, а ты... Ну, твое дело будет... Объявится в России лекарь один очень толковый. Он деток лечить будет, и так дельно, как никто до него этого не делал. Да вот только случится с лекарем этим странность одна: потянет его этих самых деток убивать иногда. Сотням детишек хворь уберет, а одного сгубит потихоньку. Тянуть его к этому будет тягою непостижимой. Потом этого лекаря изловят и казнь ему сделают через расстрел.

Лекарь этот догадку свою смутную выскажет – да только не прислушаются к нему, а он примерное людам скажет, что я тебе говорю. Сила могучая в противоположности скрыта, и он эту Силу обрел случайно... Знаю, знаю, Сергей Дмитрич, не уложить тебе этого в головушке своей, да и другим объяснение дать не сможешь. Но только вокруг оглядку сделай, к вещам многим присмотришься внимательно – и уразумеешь, что моя правда будет. Возьми хотя бы немца – вишь, какой миролюбивый стал, живет сыто, ни на кого зла не держит. Много ли толку будет, если удумает он реванш взять? Так я тебе скажу точно – никакого проку, а одна гибель и досада. Немец это чует, потому и миролюб такой сделался, противоположность свою обрел. Ну а век этот выйдет весь – гляди да меня вспоминай, опять немец зашевелится, ретивым делается. Потому как хватит, Сила прошлая слабеть начинает...

Вит Ценев:

Противоположность – не противоположность, не знаю, прав Кривошеев или не прав, да только насчет немцев он не обманул. На дворе десятилетиями было холодно, была «холодная война», и мы все это время жили в неявном страхе, что когда-то война начнется, когда-то империалисты ее развяжут... Но на дворе 1996 год, когда я пишу эти строки, немец действительно сыт и миролюбив, имперских планов не вынашивает и приходится признать, что это объективный факт. Кривошеев сказал, что еще до двухтысячного года постепенно начнется обратный процесс, но до этого еще четыре – шесть лет, не меньше...

А вот что за врача он подразумевал – я так и не узнал. Наверное, не было такого...

Примечание переводчика: Мне пришлось дерзко вторгнуться в пространство этой книги. Автор был поставлен в известность и дал добро на прямую ссылку. София, видимо, не очень интересуется известными преступлениями в России. Такой лекарь действительно существовал, это был известный детский хирург, доктор медицинских наук Алексей Сударушкин, казненный в 1981 году за половое надругательство и убийство детей...

Двенадцатый день допроса, 6 августа 1978 года...

Стоменов: – Самым занятым, Сергей Дмитрич, то будет, что Магом Силы Смертной чаще всего люди сами по себе становятся. Я этим не то имею в виду, что Магов этих рыщет по планете неисчислимы тысячи, нет, нас мало, может, пятьдесят будет на землях всех, а может, и того меньше... А то имею, что науку эту преподаем мы исключительно редко. Вот я один разик попробовал, да только не вышло у меня, Никола одному науку полную дал, да еще одна, Никитовская Дарья, мужика одного в разумение привела великое... А так – семя Кривошеевское по миру ход имеет, вот иногда к третьему колену плод ладный и делается. Никакой науки от нас он не ведает, а просто жизнь его так укладывается, что приходит он к нам вольно или невольно. С ним, пока он еще хранителей не ведает, все равно они незримо рядом будут, от смерти его сохраняют и от калекства – но ни от чего более. Муки у него будут душевные и физические – пускай, трудности всякие и удерж разный – хорошо, потому как через это он к нам и прийти сможет. Мы этого нарочно не делаем, а так – само как-то все устраивается, как надо... Если не сдюжил такой из роду нашего, руки на себя наложить вздумал – то хранитель его никогда не остановит, потому как: чему быть – тому и быть. Был и другой еще, Кириллом звали, семя земель Алтайских – да только не сдюжил он на году двадцать четвертом, ума лишился напрочь, как первый ваш докучник, который со мной калякал...

Следователь: – Суровые вы люди будете...

Стоменов: – Это если по-людски, по-обычному кумекать, то может, и суровость есть, да только по нашим понятиям нету здесь никакого, о котором толкуете вы так много. Природности нашей земной – хоть Кирилл ентот в дом душевный попал, хоть муха на взгорке бзднула – никаких трагедиев не будет. Думаешь, слезу кто-то по нему пустил? Пустое все это... Родители его – те, конечно, убивались шибко, а нашему роду Кривошеевскому да Никитовскому – прок один, и ничего иного, потому как род крепок быть должен и слабости внутренней в себе не иметь...

Следователь (перебивая): – Стоп! Стоп! Секундочку, Андрей Николаевич! Это что выходит – если я ребенку своему кровь дал, чтобы его жизнь спасти, – я что, род свой ослабил?..

Стоменов: – Ты, Дмитрич, холм с горой не путай... Какой у вас род-то? Потеха одна... Семью царскую или больно знатную уразумей – нешто род силен их, если семя они друг дружке дают в строгости? Мы знание друг дружке передаем и Силу великую, а они? Богатства свои да чинства с лаврами – разве сильным этот род будет? Уважать его будут людишки мелкие – это да, да докторов знатных нанять можно, чтоб пеклись о хворях их многочисленных... Вот и вся сила их худая...

У меня, Дмитрич, да и у каждого из Никитовских и Кривошеевских по девять хранителей будет у каждого. Мои Андрюши заботу имеют, чтобы со мной смерти случайной не вышло или еще какой оказии. Но даже случись так, что не смогут хранители тебе подмогу оказать, – неужто ты думу имеешь, что кто-то из рода нашего подсоблять мне будет? Никогда этого не случится, потому как все необходимое дано тебе родом твоим и боле никто о тебе персонально не печется. Сгинул ты – никто не обрадуется, но и никто не закручинится, а выжить смог в минуту тяжкую, сдюжил – так ведь и тогда никто открытку проздравительную не шлет и поклон уважительный не бьет... Мы целое единое есть – и в то же время каждый сам по отдельности будет, так заповедовано, так наказано, таковы Законы наши... Ты только не подумай, что я могу вот так запросто людьми лихими в переулке убитым быть, иль, положим, под машину грузовую попасть насмерть... Это я так, для слова красного сказал, чтоб ты, Сергей Дмитрич, меня уразумел лучше, но только не бывать такому в жизни нашей. Сами мы в царство мертвое уход делаем, когда время нужное настает, – и никому другому вместо нашего не сделать смерть семью Кривошеевскому...

Следователь (прищурившись): – А что, Андрей Николаевич, скажешь ты мне, если сообщу я, что бумага одна на тебя из Москвы прислана, где приказ имеется расстрелять тебя в ближайшие дни за преднамеренное убийство с отягчающими обстоятельствами? А?

Стоменов: – Так нет у тебя такой бумаги, Сергей Дмитрич, и не будет никогда.

Следователь (задумчиво): – Верно говоришь, такой бумаги нету... Но ведь прийти может...

Стоменов: – Не придет, Дмитрич, как я это знаю, так и тебе это известным будет... А потому меня не испытывай понапрасну, потому как сердце у меня крепкое да уверенное, а хранитель всегда или рядом, или придет по моему желанию. Судьбы будущие я многих знаю наперед, а уж свою и подавно, да в превеликих точностях. Только семя третьеколенное Кривошеевское или другое чье редкое, случайное, которое на пути к Магии Силы Смертной находится, сгинуть может, потому как не удержит, не сдюжит. Но если удержит и Магом станет – только своею собственной смертью умрет – и никакой другой...

Восемнадцатый день допроса...

Стоменов: – С вами, такими учеными, да начитанными больно – ой как не просто разговор вести. Говорю я тебе, Сергей Дмитрич, многое, а сам чую – если б ты вовсе не понимал, о чем толкую я, то и ладно, да вот только ты на свой манер все разумеваешь. Разъяснять мне скушно, да и горя не будет, если ты так и не уразумеешь ничего... Мы, Кривошеевского рода, не спорщиками будем, как многий люд ученый, а умельцами – хошь узнать если, то я поведаю, а твое своим сменять надобности не имею.

Ты вот со мной чего речи уважительные ведешь, а? Знаю, Сергей Дмитрич, знаю... В секретах предполагаемых нужду имеешь великую. Про шапку – невидимку говорил я? Говорил. Как хвори многие одолеть – говорил? Говорил. Как Силу Великую обрести – сказывал? Сказывал... Но только я многое уже сказал, а тебе все мнится – что вот-вот, еще чуточку – и я, глядишь, какой-

никакой, а секрет тебе перескажу. Но говорю – многое поведано, да малое принято.

Нешто мне Никола, ты думаешь, сказывал, как до деревни своей добратся, когда в лес меня отвел, ослепил на время да и покинул? Как от зверя отбиться, как ориентир сообразить, как с голоду и жажды не помереть? Ничего из того не было сказано, а только бросил он меня в лесу – а я ему благодарен остался, потому как выжил и науку великую поимел... Ишь, как у людев все просто выходит: ты сказывай, а я исполню в точности. А ты пойдя, как в сказке, туда – не знаю куда, да еще найди кое-что – тогда или Магом сделаешься, или разум потеряешь, или сгинешь вовсе... (*следователь барабанит пальцами по столу*). Есть карты одни для гаданий – так вот, там первая карточка будет Маг, а последняя – дурак (*имеются в виду карты ТАРОТ. – Примечание автора*)... Ты, Сергей Дмитрич, не сердчай, я тебе не для того это говорю, чтоб обиду тебе сделать, а лишь потому, чтоб слово мое проком тебе было, а не обузой...

Когда удерж я познавал голодом, сна лишение надобное, слово вслух не проговаривал да сдюживал тяги плотские – нет, не о том я думу имел, что, мол, удержусь да и стану Магом великим. Если ты за мыслью этой вслед пойдешь, то, конечно, сдержаться можешь, да только проку от этого будет негусто. Роду же Кривошеевскому да Никитовскому наказано было – удерж познавая, Силу в этом найти сумеете... Найдешь – не найдешь, дело хозяйское, бранить никто не станет, да только старайся все же найти ее. Коли не вышло, сорвался – всегда повтор можно сделать, да вот только хуже будет, если удерж имел, но Силу там не обнаружил. От того и выходит – чуешь, Сергей Дмитрич – что удерж чаще всего есть цель, а важность вся – перетерпеть и не более, но для нас до конца дойти не главное будет, а главное – найти пользу великую в процессе ентом.

А посему и получается – мается баба весом грузным и голод несет справно, потому как шепнули ей на ушко, дескать – поголодаешь, так и похудеешь враз. Только баба эта дни свои удерживает, а сама – как грузной была, так и есть... Вот я и ведаю – если денькам счет ведешь, ждешь только, когда удерж твой закончится, то и Магом не сделаешься.

Следователь: – И впрямь, как в сказке про «Поиди туда...»

Стоменов: – Когда мне девять лет было, или около того, игрались мы во дворе в полдень, а тут мамка моя приносит нам пирогов печеных с капустою. Каждому из ребят по пирогу вышло. Разобрали мы их, а они горячие больно, руки еще жгут... Пока я свой остужал, один из старших свой проглотил – да и хватить мой из рук – и бежать... Я, помню, заревел и за ним погнался, а навстречу мне Никола подвернулся с волком своим. Волк подле него семенит, пасть щерит, но глаз у него не злой. Никола мне допрос учиняет, пошто, мол, реवेशь и чем обижен будешь, ну я ему все и выклат как на духу. Несправедливо, говорю ему, нечестно Федька наш со мной поступил. Думал, он за меня заступится. А он меня – цап! – за ухо, да больно так – и в лес поволок. Я ору дуром, слезами заливаюсь, да тут он ухо мое отпустил и толкнул меня легонько. Упал я на землю, головой тряхнул, слезы утер – гляжу: нос к носу лежу с муравейником огромным. Мураши снуют тыщами туда-сюда, в глазах мельтешат... Тут мне Никола и говорит: «А ну, Андрюха, кажь мне на муравейник ентот – увидеть хочу, где справедливость в ем обитается»... Посмотрел я на него, потом на муравьев опять поглазел: «Дядь Никола, дак это ж мураши!» – «Ну дак и что ж с того? Справедливость, Андрюха, – она или везде, где только можно, или нигде вовсе. Вот заляг здесь – и гляди в оба: как только справедливость учуешь, так беги ко мне в дом, что есть мочи, и докладывай. Растолкуешь мне все, как следует, тады я твою беду поправлю так, как захочешь... Ну а коли не найдешь справедливость енту – тогда, видать, и нема ее вовсе на белом свете... Но все равно доложи». Сказал – да и ушел восвосяи, меня одного

оставил. Глазел я глазел, как мураши эти, значит, между собой организуются, но так никакой справедливости и не углядел...

Следователь (с досадою): – Ну и сволочь этот ваш Никола, ты уж извини меня!

Стоменов (спокойно): – От чего же так, он мне правду показал, а я ее усвоил. Пришел я к нему опосля, а он допрашивает: «Ну как, Андрюха, учуял справедливость природную?» – «Учуял, – говорю я досадливо, а сам чухаюсь, _ всего покусали мураши треклятые» (*следователь улыбается*). Дает он мне пряник медовый, видно, с ярмарки привезенный, говорит так серьезно: «Удержишь, Андрюха, если кус свой, против Федьки устоишь – так енто справедливость и есть, а коли не удержишь – так тоже справедливость выходит»... «Как же так, дядь Никола, – спрашиваю, – получается, что кус имею или не имею, а все одно по справедливости?» Только он ничего больше не сказал, а во двор меня вытолкал.

Следователь: – Ну как, не отобрал Федька пряник?

Стоменов (блаженно улыбаясь): – Не-е-а... (*помолчав немного*). Вроде и не велика наука будет, да только на всю оставшуюся жизнь крепко ее я запомнил. И вот еще чего сказать тебе желание имею: люди это так, для удобств своих, магию то на Белую да Черную поделили... Магия – она магия и есть, не черная, и не белая, и не какая другая. Она ни цвету не имеет, ни добра или зла, а только лишь в силах разницу. Называющих себя магами много будет, да немногие магами являются... И если, по представлениям вашим, маг черный только черное творит – ни в жизнь ему более сильным не быть супротив того, кто и белое тоже деет. И белый без черного тоже слабоват будет...

Следователь: – И здесь выходит, что сила в противоположном?

Стоменов: – Сила в противоположном – и ты, Сергей Дмитрич, завсегда это помни. Когда инквизитеры эти (*инквизиторы. – Так в тексте, примечание переводчика*) неверных жгли, то и в Силу вошли великую. Чистая добродетель слабит, хотя многие людишки ей поклоны бьют. Зло исключительное слабит, даже если страх большой вокруг себя сеет. Оттого и дохтора этого, который детишек изводил по нужде необъясненной, – не только понять можно, но и в пример показать, как это делается... Зря гримасничаешь, Сергей Дмитрич, я верно калякаю, хоть и непросто принять будет науку мою...

Кристо Ракшиев (рассказывает, диктофонная запись):

... Тринадцатого августа следствие неожиданно объявило перерыв. Мне позвонили домой и сказали, что на ближайшие три дня допрос отменяется. Двое из советских подполковников улетели в Москву... Наверное, ожидается какое-то распоряжение... Исход просматривался один: Стоменову – Кривошееву осталось здравствовать на этом свете считанные дни, а то и часы. В лучшем случае – пребывать в трезвом уме... В субботу, двенадцатого августа, полковник был, как обычно, спокоен и невозмутим. Может быть, он не был удовлетворен результатами того, что он делал, но, во всяком случае, живой интерес сохранял. Даже начал делать в маленьком блокнотике какие-то пометки... Насторожило меня и то, что их беседы параллельно со мной начали писать на пленку. Громоздкая система, рассчитанная на двадцать часов непрерывной записи, медленно крутила свои бобины. По завершению «сеанса» бобину снимал и пломбировавший дежурный офицер. Я заволновался – это означало только то, что московское следствие избавляется от свидетеля – от меня. Воскресный звонок окончательно убедил меня в этом. Дело явно близилось к какой-то развязке. Я мучительно, раз за разом, прокручивал в голове последние дни допросов, уже перенесенных мною на бумагу, – и не находил никакой зацепки... Все как обычно, как это происходило изо дня в день. Меня лихорадило, казалось, я полностью утрачиваю даже то смутное

понимание происходящего, которое у меня было... Однако в полночь мне позвонили снова и попросили прийти в понедельник как обычно.

Я: – Послушай, говорю чушь несусветную – сразу предупреждаю! Но так выходит, что по загадочным обстоятельствам допрос, на котором ты не должен был присутствовать, не состоялся. Возможно, это не случайно вышло...

Кристо (закуривая): – Тогда у меня не было таких мыслей. Я упорно держался мнения о том, что первую скрипку играет московский следователь. Мне казалось, что он один понимает всю суть происходящего, знает конечную цель, к которой ему нужно прийти, – и идет, идет своими неведомыми тропами... Много позже я подумал о том, что ты говоришь, – ОН не хотел терять ни одного дня без меня, ЕГО слушателя. Возможно, принял какое-то решение... Об этом не скажешь по содержанию – но, черт подери, посмотри на мои писульки! Они стали другими! Я стал писать без рывков, выдавать большие объемы! (*бьет кулаком по столу*). Чертов мудака! Он крутил всеми нами, крутил как хотел! Травочки ему заваривают! Водичку морозят! (*срывается на крик*). Мемуары пишут! Что он сделал со всеми нами, а? Скажи мне! Скажи мне – ты, писака!..

Я: – Кристо! Кристо! Успокойся!..

Кристо (закрывает лицо руками и так сидит молча некоторое время, я тушу тлеющую сигарету в пепельнице, затем он, тихо...): – Прости... Не знаю, что на меня находит иногда... Раньше я тешился тем, что показывал миру фигу в кармане. Теперь же – я проклиная этот мир, я захлебываюсь в воплях своей ненависти, которую я на него изливаю... Я не знаю, что со мной...

Я: – Мир не так уж плох...

Кристо (отнимает руки от лица, искоса смотрит на меня): – Да?.. (*закуривает*): А какой он, этот твой мир? У меня два мира – тот, который у меня был, и тот, что ОН мне показал... Я не знаю, какой из этих миров правильный. И это меня убивает, убивает, Вит, понимаешь?..

Двадцатый день допроса, понедельник, 14 августа 1978 года...

Стоменов: – Одним из самого важного будет, Сергей Дмитрич, даже не мир этот, но то воззрение, с каким ты на мир этот смотришь. Потому как мир един, а воззрений этих неисчислимы количества будут. Когда тебе делают больно – ты начинаешь считать, что обустройство мира крайне несправедливо и жестоко – нет, не по отношению к тебе, а вообще, само по себе... А когда тебе ничего, то и миром окружающим удовлетворяешься. Но на земле происходящее не может быть таковым, как это ощущается тебе в минуту настоящую. Это – всего лишь чувство твое в какую то малую секунду, и оно не имеет к миру земному никакого правдоподобного отношения...

Послушай теперь меня, Дмитрич, – ты все еще ждешь, что ответ я тебе дам с объяснениями, пошто девчонку эту жизни лишил. Я чую, что ты меня слушаешь, я чую, что ты меня слышишь иногда – но только иногда, а то и реже будет. Что еще сказать, если сказано уже?.. Ни тебе, ни другим некоторым эта мысль покоя не дает – ведь мудер мужик, воистину мудер и говорит справно, но девку, девку-то зачем, а!? А ведь ведал я уже, Сергей Дмитрич... Слухай еще разок, коли не почуял. Не можем умереть мы смертью своею, вот так запросто, как человечешко обычный смерть заполучает. Время подходит, а смерти не предвидится: ни случай досадный жизнь не оборвет, ни хворь внезапная. Уходить во время наказанное надобно, а как уход сделать верный? Дак проводник тогда нужен в царство иное, в царство мертвое, в царство смертное. И если жизни человечешку какого лишишь с умыслом намеренным, особенно, магическими средствами попользовавшись – и станет душа умершего этого проводником тебе в Мертвое царство. Руку тебе протянет – да и с собой уведет покойно, неотвратимо. Девчуха эта для того жизни лишена

была, потому как уход мне предстоит скорый, Николой наказанный да Хранителями моими верными...

Следователь (глухо): – Значит, собрался все же помирать, Андрей Николаевич?

Стоменов: – Я про девку сказ веду. Али интерес потерял? Впрочем, понял иль не понял – дело твое, мне без интересности... Как говорю тебе – тысячи и тысячи мировоззрений будет всяческих, и спор иметь за истинность свою – только зазя жизнь свою истратить, пустою ее сделать. Оттого и не переубеждаю я тебя ни в чем: хранитель сказывал – говори, вот я и разговор с тобой веду. Помнишь, что говорил: имею пряник, дак это справедливость, а не имею – тоже справедливость выходит. Убил девку я – от миру не убыло, а сохранил бы жизнь ее – дак в мире тоже не прибавится. Если это уразумеешь, Сергей Дмитрич, – остальное тоже вместишь в мере полной.

Следователь (после некоторой паузы): – Значит... бессмысленно все, да?

Стоменов: – Фу ты, ну ты! Заговорил чего, а... Жизнь проживи для тела и ума своего хорошую, славную, долгую да удовольственную, вот и выйдет – и на земле хорошо было, и в Царстве мертвых ладно. А там, в царстве этом, – равны все будут, ни чинов, ни богатств, ни наград не имеют – но муку или радость вечную каждый сам себе отмеряет еще прижизненно. Никакого тебе, Сергей Дмитрич, суда и сковород горючих – сам ты себе сковорода или сад райский выйдешь. Жизнь свою посвятил если стремлениям к братству всеземному – то к чему там, среди душ умерших, стремиться будешь, если равны там все будут без всяческого твоего участия? Аль коммунизму вашему? Аль сатане тайному, которого и глаз никогда не зрел? Тело, дух и Сила твои – вот отрады земные Великие, и нет ничего значительнее их на земле этой. Не для мира, Дмитрич, – но для тебя, только для тебя одного – и никого больше!.. Это не есть смысл по понятиям нашеньским, Магам рода Кривошеевского, но по вашим, людским, – дело говорю – таков смысл и есть... А почему – не для мира, а для тебя единственно – дак, уразумел поди уже – нет миру от тебя ни радостей, ни горя. Живешь ты на свете белом добро али худо – ни звездам, что на небе светят, ни жуку, что в куче навозной копошится, ни белке, что по деревьям скачет, – без интересу существование твое. Упал в бессилье если подле дома мурашиного – вот им и отрада, обглод сделают тебя до последней белой косточки, а если просто рядом прошел – то и дела им нет. Вот и наука вся, Сергей Дмитрич.

Тело свое вожделением страстным ублажай, питайся справно и правильно, храм тела твоего береги, сигарок не ведай и лекарств, которые разума лишают. Силу имей надежную, верную, стержень внутренний крепкий – тогда и суетное многое сгинет навечно, по-пустому печалиться не будешь почем зря... Говорить это Магу будущному я не должен – сам все постигнет в пути своем, но тебе, Дмитрич, уж не обижайся на старика – не стать магом уже... Но Силу немалую приобрести сможешь, если вместишь и поймешь – для того и ведаю.

Следователь: – Стать одиноким эгоистом?

Стоменов: – Ишь, словечко вымолвил... Сколько еще их знаешь? Тысячу? Десяток тысяч? Все-то у вас название имеет... Пошевелил я правой ногой – глядишь, уже и слово новое придумали. А рукой дрыгнул – еще словечко вышло. Скажу я тебе, Дмитрич, вещь одну важную. Помнишь, про Степана я тебе ведал, который дедом истинному семени Кривошеевскому приходится? (*следователь кивает головой*). Так вот, уяснил для себя Степан мудрость одну, когда в концлагерях сидел немецких. Заборов много придумано, которые из слов одних сплетены, – того не делай, этого не трожь, не убей, не ходи, очень плохо и много еще других – да только всего лишь один забор неодолимый взаправду существует. И знаешь, какой? Да та проволока с

колючками, по которой электричество пропущено... Только она и есть забор истинный, а все остальное – слова пустые, и ничего более...

Не думай, Сергей Дмитрич, что если ты слово особое для каждого явления в мире этом придумал, то и мир, значит, понял доподлинно. Детей интересует – почему звезды свет дают, вас же – как они называются, и если нет еще названий у них, то придумать их надобно пренебреженно. А то выдумали – коммуна, братство... У нас, Кривошеевских, с волками лесными уговор имелся – вы нас не трогайте, а мы вас. И никакого тебе братства и равенства...

Двадцатый день допроса...

Следователь: – Я вот что спросить хотел у тебя, Андрей Николаевич. Существуют ведь очень распространенные представления о том, что человеческая душа, дух, духовная суть его – даже не знаю, как сказать лучше, – в общем, происходит перевоплощение духа этого из одной телесности в другую. Но вот тебя я слушаю, и получается обратное. Как же выходит тогда? В теле Земном толику малую живешь, а в загробном царстве – так вечность целую...

Неправдоподобно получается...

Стоменов: – Ты вопрошаешь, а я ответ даю. Нравится тебе это аль не нравится – досуг твой будет, мне твое своим подменять без надобности, я уже сие говорил как-то. Если спрашиваешь, то слухай да кумекай, Сергей Дмитрич... *(после некоторой паузы)*. Есть людшек неисчислимое множество, что страх перед смертью будущей великий испытывают, но о существовании своем после смерти особо не пекутся. Они могут веру иметь в Господа бога, в судилище божие иль еще во что-нибудь, по вере своей грех иметь с регулярностью, да и замаливать его в церквях и у людей специальных, которые по греху этому прощение, значит, выдают. Только попомни меня: когда уйдут они, умрут, тело немощное свое покинут – обнаружится, что не будет суда божьего над ними, ни рая не будет и ада, но только сладость или муки в них самих уже полностью содержатся. И если ты по разумениям общепринятым ни единого греха не сотворил – нет надежности и тогда, что благостным твое проживание в царстве смертном будет.

Есть люди другие, которые не особо верят ни в богов, ни в чертей, а жизнь земную стремятся прожить наисладчайшим образом. Им более худо выйдет, чем первым, потому как дух свой услаждая миром материальным, обречены они по смерти тоску принимать бесконечную – и ничто ее в мире ином утешить не сможет...

Есть третьи люди множественные, что отрешенности от всего земного достигают или стремятся к этому. Им, Сергей Дмитрич, много лучше вашего будет, кто за братства планетные борьбу имеет, да коммунизмы строит, ты уж не обидься, что ведаю так... *(следователь пожимает плечами)*. Путь их не лучший на земле нашей, но для послесмертного существования ихнего вполне справным будет. Вполне достойно по такому пути шаг держать...

И есть мы, Род Кривошеевский, да и еще имеется людей число невеликое, кто смерти и часа смертного не боится и поклоняется ему, кто готовит себя к существованию благостному в царстве ином. Четверть жизни нашей – это удерж разный, духа своего воспитание, к Силе смертной обращение и торжество бестелесное. Все остальное же будет жаждой жизни в мире земном. Это радость телесная будет, здоровье тела и органов твоих, взаимодействие с природой – травой и деревьями, птицами, зверьем разным... Это ясность ума, переживание Силы великой, и то главное, о чем говорил я уже ранее, – Невраждебность взаимоотношения с миром окружающим. Дорогу нашу, Дмитрич, сдюжить смогут очень немногие в полной мере, но даже если

стремиться к этому всего лишь, то радость существования своего бессмертную обрести можно. Тело временно смертно, тленно, радостность духа твоего окончания не имеет...

Всех тошнее, скажу я тебе, в царстве ином самоубийце выходит. Никакой это не грех, как говорят многие, а только лишь себя повечное наказание. Самоубийцы толпами по земле нашей ходят, от жизни земной Силы жаждут взять хоть крупицу, да выходит у них это в большой редкости... Отрада тому самоубийцу, кто к Магу Смертному в послушение идет, потому как муки его многие гинут тогда бесследно. Но такое, как ты уразуметь можешь, Сергей Дмитрич, бывает каплею в море тех многих, кто жизни себя лишает. Муки у них бесконечные выходят, а помочь им в силах очень немногим дано... И еще скажу – помнить надобно, что на земле мы разными можем быть, но Там – равны все будем в бестелесности своей. Никто ни над кем власти не имеет, все равны, все одинаковы будут. Если сын за юбкой материнской волочится, то там она ему без надобности будет, если отец за жизнь сына свою жизнь пожертвовал, то там и раскается, да поздно выйдет. И здесь, и там пути очень тонкие выходят, порой друг от друга на глаз торопливый неотличимые. Но когда смерть придет, то и отмер получится – ладно выходит, аль тошно. Всю эту науку вряд ли мне растолковать, Сергей Дмитрич... Лучше тебя самого судьбу твою никто не явит в подробностях.

Следователь: – Нет, значит, перерождения? Умру – и навечно?

Стоменов: – Нашел, о чем горе тужить! Радоваться надо, что таково, и не иначе. Сам рассуди – если Бог законом и выходит, то какая нужда ему устраивать, чтобы ты духовность иль там гуманизм из жизни в жизнь в себе приращивал, а он, значит, ждал бы тыщу лет, пока ты прирастишь ее в полной мере, а? Нет, Дмитрич, жизни короткость или долготы, счастливости или досады, а опосля – царство сладостное аль тошное – в испытании дается всего раз один единственный. Торопись жить хорошо и умереть справно, потому как других возможностей ошибочность свою исправить не будет тебе уже никогда...

Восемнадцатый день допроса:

Стоменов: – Разбрелись мы, Сергей Николаевич, по миру таким образом, каким Никола велел, а опосля – как хранители наши указывали. После того, как деревеньку нашу забросили, Кривошеевку, да деток обузных схоронили – уж никто больше никогда друг с дружкой не видывался – и не увидится вовек... Разговор мы между собой сколь угодно долгий вести можем – и только. Это как будто ты по телефону калякаешь, а в очи собеседнику своему взглянуть не дано тебе навсегда. Все мы люди простые будем, неприметные. Никто из нас министром не сделался, богатств несметных не нажил, наград государственных не получал. Как я жил, так и остальные живут, по земле этой разбросанные: живут тихо, покойно, людям окружающим до нас нет дела никакого... И как только человек новый, достойный, к Магии Смертной приобщение имеет – так и уходит тот, кто в землях близких с ним, в Царство Смертное. Новый человек этот заместо умершего Мага остается...

Нас немного будет на свете этом – и никогда количество это большим не выйдет. Новый человек чаще всего семени Кривошеевского будет. Так уж получилось, что Никитовские одни бабы и остались – и коли чрево ее плод вынесет, то крепок собою и духом силен станет человек народившийся – и только. Но лишь из семени третьего колена Кривошеевского Маг новый Силы Смертной народиться сможет... А для этого, чуешь, Сергей Дмитрич, надобно, чтоб во всех трех коленах парень обязательно был. Уродилась девка если – все, оборвалась ниточка... Да вот, иногда еще, человек семени иного, случайного, к нашему роду приобщение имеет. Редко это бывает – да бывает

все же. Не только кровью мы роднимся, но и Силой особенной, и если есть эта Сила у человека некоторого – нашим он будет неотвратимо. Ну и еще наш род двоим людишкам пути случайного науку полную дал. Таким род наш будет магический... Много позже несметное число людей земных к таинствам Силы Магии Смертной приобщение иметь будут. Это когда Никола новый в Силу свою истинную войдет... Магом из них никто не сделается, или – почти никто. Но силушка станет у них – Сила и умение, и этого достаточно будет, чтоб сделались они людьми светлыми.

Попомни вещь одну, Сергей Дмитрич, важную очень вещь. Так уж природой заповедано, что враждебность мира окружающего самому миру совершенно необходимой будет. Каждая жизнь, малая или большая, травинки или льва могучего, на борьбе построена за существование свое благополучное. Борьба эта живое сильным делает – вот почему зверь лесной болеет исключительно редко, а то и не болеет вовсе. А вот собачка комнатная аль животина домашняя – те часто хворь знают и дохнут во множестве от этих хворей разных. У человека врагов уже нет в этом мире, действительным царем он сделался на планете сей. Но вопреки природе не сможет идти даже он – вот и выходит, что одни цари убивают других царей таких же в количествах неисчислимых без особой нужды и поводу. А почему? Так силен закон этот, сильнее его только мертвое и будет, а кто жив и жить хочет, кто род свой продолжить хочет надежно – следовать ему вынужден. Много у вас назиданий государственных да изречений церковных – мол, не убий, да не злобствуй, не ненавидь и не ударь. Но века проходят – а все остается на местах своих... Ярость, ненависть, убийства большие и малые. Не пойми превратно, Дмитрич, природе нужды нет в убиениях – но борьба ей надобна, потому как основа это успешного выживания и силы... Ну а чудо если выйдет, прекратятся вмиг все убийства да войны – что думаешь? Полста лет не пройдет, как сгниет человек в хворях превеликих или разум утратит, безумным сделается...

Следователь: – Ну и мрачна же твоя картина, Андрей Николаевич!

Стоменов: – Я верно говорю – и ты меня понимаешь, я это чувствую. Как войны затевать по миру огромному – так вроде бы само собой разумеется, а как подумать что это по закону природному неотвратимым будет – так и страх обуял. Знаешь, Сергей Дмитрич, я с животными разными разговор вести умею – знаю их чаяния и думы: так вот, скажу тебе, что много лучше будет животное любое человека, царством своим гордящимся. Животная – она светлая, словно ребенок будет. Но сказал – истинно царь человек на земле этой, нет у него врагов, вот и в самом себе нашел он врага великого... Велика Сила его может быть, если с разумением ко всему подход иметь. Человек Силу обретать может в противоположности своей, что волк делать не умеет, даже если хотеть будет страстно. Главное – науку понять, как с законами природными ужиться, им не противословить...

Следователь: – И как оно все выйдет тогда, если по-твоему следовать?

Стоменов: – Стаей огромной враз маловозможно уразуметь науку эту, потому как лишь вражду еще большую посеет она. Выйди я на широкую площадь да скажи все слова свои заветные громогласно – кто, как думаешь, в горло мне первым вцепится намертво? Дак те и будут, кто братственность да любовь всемировую проповедуют... Хошь – не хошь, а такая вот выходит оказия. Шепни им на ушко, дескать, ребеночек малый слезу голодную роняет, так они кровью поля зальют, чтоб ребеночек, значит, не кручинился. Оттого никогда и никто в роду Кривошеевском да Никитовском науки нашей не ведал прилюдно, а лишь иногда человеку отдельному сказывал, как я с тобой разговор имею. По отдельности человек уразуметь сможет, но разом все – никогда, потому как крови будет много, и ничего больше... *(после некоторой паузы)*. И если ты, Сергей Дмитрич, прозреешь, что нет на белом свете ни добра, ни зла, а есть

белый свет этот один и Мертвое Царство опосля для каждого из нас – то мир посему чуточку вернее сделается. Отчего так? Так ведь уразумеешь, что потребу природную удовлетворяешь ты – и ничто другое! За благодать людскую битву ведешь, за мир во всем мире сражаешься, аль позицию свою ученую отстаиваешь – все едино. Маг рода Кривошеевского отличие от любого другого люда в том имеет, что не добро на сердце его, а Невраждебность к миру окружающему. Услышь накрепко слово это, Сергей Дмитрич, – НЕВРАЖДЕБНОСТЬ!

Не злостность это и не добродетель, а очищение сердца своего от переживания вражности других, от страха, ненависти и озлобления... Маг Смертный не тратит жизнь свою попусту в борьбе вечной за одну из идей, которых на земле неисчислимо множество. Три надобности его главных, как звезды яркие, ведут его. Первая – это обессиливание врага своего случайного. Намеренных врагов у нас не было никогда, а случайным мир всегда полон. Оттого не делаю я разрушений и не гублю живое, против меня поворотившееся, – я лишь силу у него отнимаю, бессильным по отношению к жизненности моей делаю. Второе – тело и разум свой содержать в чистоте и удовлетворенности. Телу здоровое существование надобно, питание и питье разумное, утечи плотские и ум ясный, потому как последнее многим хворям порождения не дает. Третье же – Сила великая, дух степенный и радость жития бестелесного. Первая звезда трудов великих стоит и дается не всем, но если дается – то на всю оставшуюся жизнь беречь тебя сможет. Второе союзом разума и тела обретается, невосприятием всего пустого и суетного, а главное – торжествованием телесной жизни твоей в мире этом. Торжество тогда наступает, Сергей Дмитрич, когда радуется тебе не то, что цветочек красивый увидал ты да умилился, а когда запах его вдохнул, мягкость его руками почуял. Женщина красива да желанна та выходит, что перед тобой стоит, а не та, что по телевизору кажут. И третье для того имеется, чтобы Силу, в науке Магической усвоенную, укрепить и упрочить, да умирание будущее принять легко и столь же легко в мертвом царстве существовать бестелесно. Помнишь, что ведал я тебе – когда в мире этом, то с мертвым будь близок, тогда и после, напротив, рядом с живым будешь вечно и безмятежно...

Ни чинов у нас на земле этой, ни богатств несметных, ни семей и друзей – не было, нет и не будет никогда, хотя и обратное не возбраняется. Сам все выберешь, сам сполна все себе и отмеришь – и здесь, и там: светлость бескрайнюю или муки неотступные. Если и есть Бог среди звезд дальних, то не судить ему нам ни сейчас, ни опосля – он лишь законы положил, а суд каждый над собой сам вершит по законам этим...

Кристо Ракшиев (дневник)...

Я пишу эти строки, а на календаре среда, шестнадцатое августа 1978 года. Я лишь приблизительно, будучи более-менее осведомленным человеком в нашей конторе, могу восстановить последовательность происходящего. В третьем крыле, где тринадцать палат и где Кривошеев занимал палату номер тринадцать (черт возьми, тринадцать!), утренняя проверка производится в пять часов утра. Санитар, он же охранник, заглядывает в окошечки к подследственным... Все, кто в третьем крыле, все они – еще вполне нормальные люди. Их еще не пичкали таблетками, не кололи черт знает что, к ним проявляется интерес, их допрашивают, их разум оставляют ясным до тех пор, пока есть необходимость или надежда получить определенную информацию... Их палаты являются причудливой смесью больницы и тюрьмы. Прочные двери и засовы, особая планировка, при которой больной не сможет

найти того места, где его не будет видно, когда санитар заглядывает в окошечко из сверхпрочного стекла.

Решетки на окнах, обязательный неяркий свет ночью, достаточный для того, чтобы видеть всю палату... Тихая гавань для персонала... Можно спать или играть в шахматы всю ночь...

В пять часов утра санитар обошел третью, восьмую и тринадцатую палаты, остальные пустовали... Кривошеев спал, и санитар насторожился, потому что в это время подследственный уже всегда бодрствовал. Его не пристегивали наручниками к кровати, как, положим, пациента из восьмой палаты, и он с четырех часов утра сидел, прислонившись к спинке кровати, – то ли медитировал, то ли... Одному Богу известно, что это за ритуал такой... Санитар пригляделся и ему показалось, что Кривошеев дышит. Значит, просто спит. Это его успокоило. В дальнейшем расследование показало, что подними он тревогу немедленно – результат оказался бы аналогичным: Кривошеев был мертв уже час. Вскрытие ничего не обнаружило... Остановилось сердце. Абсолютно здоровое сердце вот так взяло – да и остановилось...

В половине седьмого, совершая обход второй раз, санитар поднял тревогу. Поздно, слишком поздно... Говорят, черты его лица расслабились, выражение его было совершенно спокойное, блаженно спокойное...

Мне так больно, будто я похоронил очень близкого для себя человека... Невозможность увидеть его лицо, услышать его голос рвет мне душу на части. Я просыпаюсь, обнимая подушку, мокрую от слез... А когда он приходит ко мне во сне – у меня носом идет кровь. Я размазываю ее по лицу и постели...

Я слышу голос его в своей памяти... Я вижу его во сне – и это все, что я имею.

Я пережил невероятную гамму чувств – от обожания до ненависти, я сходил с ума и обретал здравый смысл, испытывал восторг и нечеловеческий страх... Но теперь, когда его нет, я не чувствую ничего, кроме боли и отчаяния...

Иногда он казался мне мудрым и сильным – таким, каким я всегда представлял своего отца – он мнился мне отцом, и я задышался от любви и восторга... Но память, она язвительно напоминала его монолог о том, как дети, деревенские дети перед исходом кривошеевских из деревни были передушены с той самой досадой, с которой топят ненужных народившихся котят... И тогда...

Откуда мне взять силу и мужество вместить в себя все это?...

Он знал, что умрет, знал совершенно точно – и спокойно шел к этому, не испытывая страха, сомнения, отчаяния. Я думаю, он не просто знал – он сам это сделал... Сам остановил свое сердце. Он ждал своего часа – и этот час настал...

Кристо Ракшиев (говорит)...

Мне больше нечего рассказать тебе, друг мой. Я закончил писать все это еще тогда, в том самом 1978 году, который перевернул всю мою жизнь... Когда я закончил, я понял – главное сделано. Теперь, когда я говорю тебе эти слова, я чувствую себя человеком, все уже сказавшим, но еще продолжающим говорить неслышные для других слова. Нет, не потому, что я хочу, чтоб ты их услышал – скорее всего, я совсем не хочу этого. Я говорю для себя, от этого приходит блаженное ощущение исполненности задуманного...

Я окончательно потерял свое тело – я сохну от наркотиков, курева, бессонницы, постоянного нервного перевозбуждения. Посмотри на меня, скоро я подохну – я знаю, что скоро, не надо махать руками, делать сочувственные глаза, говорить утешительные слова... Знаешь, сейчас мне абсолютно наплевать, получится у тебя или нет, напишешь ты книгу или не напишешь.

Рукописи не горят, так ведь? Не горят... Поддай мне сигарету, вон на окне пачка валяется... О, черт, последняя!.. Сообразишь пожрать чего-нибудь, пока я до киоска схожу, идет? *(я молча киваю)*.

И вот еще что... *(закуривает)*. Поищи ты этого полковника. Ну не мог он под землю провалиться, так ведь? Он знать может много больше моего... А я – я все сказал. Все, все, пошел за куревом...

Вит Ценев:

Глупо, конечно... Но это были последние слова, которые я услышал из его уст...

В настоящее время автор этой книги работает над ее продолжением, куда войдут некоторые, не опубликованные в первой книге монологи и комментарии, а также планирует привести все вышеизложенное в некую систему, которая может быть представлена для детального изучения тем людям, которые считают себя компетентными в магических науках.

Автор убедительно просит откликнуться любого человека, кто владеет какой-нибудь информацией о деле Андрея Николаевича Кривошеева: будут с благодарностью приняты не только случайно или преднамеренно сохраненные официальные документы этого дела (копии протоколов, стенограмм, телефонограммы, инструкции и прочее), но и косвенные свидетельства или устная информация, которой может располагать кто-либо из бывших работников КГБ СССР, служителей архивов и так далее...

Автор не совсем уверен в том, что ныне живущие Маги Кривошеевского Рода сочтут нужным сообщить ему о себе и своем Учении какую-либо дополнительную информацию, способную помочь автору в написании продолжения этой книги. Если же это произойдет, он готов выехать в любую точку земного шара для встречи с любым из них.

Автор в полной мере осознает всю щепетильность и специфику работы органов государственной безопасности, осуществляющих специальные операции и мероприятия, которые могут не соответствовать официально принятым нормам морали и права. Поэтому он по первому требованию сохранит любую степень конфиденциальности как предъявляемых ему сведений, так и самого лица, эти сведения передающего.

Во избежание недоразумений автор убрал все спорные комментарии и монологи, которые, по его субъективному мнению, косвенно или явно затрагивают интересы национальной безопасности России. С другой стороны, автор готов публиковать любые имеющиеся в его распоряжении материалы этого дела под поручительство авторитетного лица, что вышеуказанные интересы не будут затронуты...

Автор также сообщает, что данная книга публикуется на территории Российской Федерации и, по крайней мере, в течение пяти лет после ее выхода, не будет опубликована вне пределов Российской Федерации и ее правовых субъектов.

Сайт расширенного сознания...

www.soznanie.info